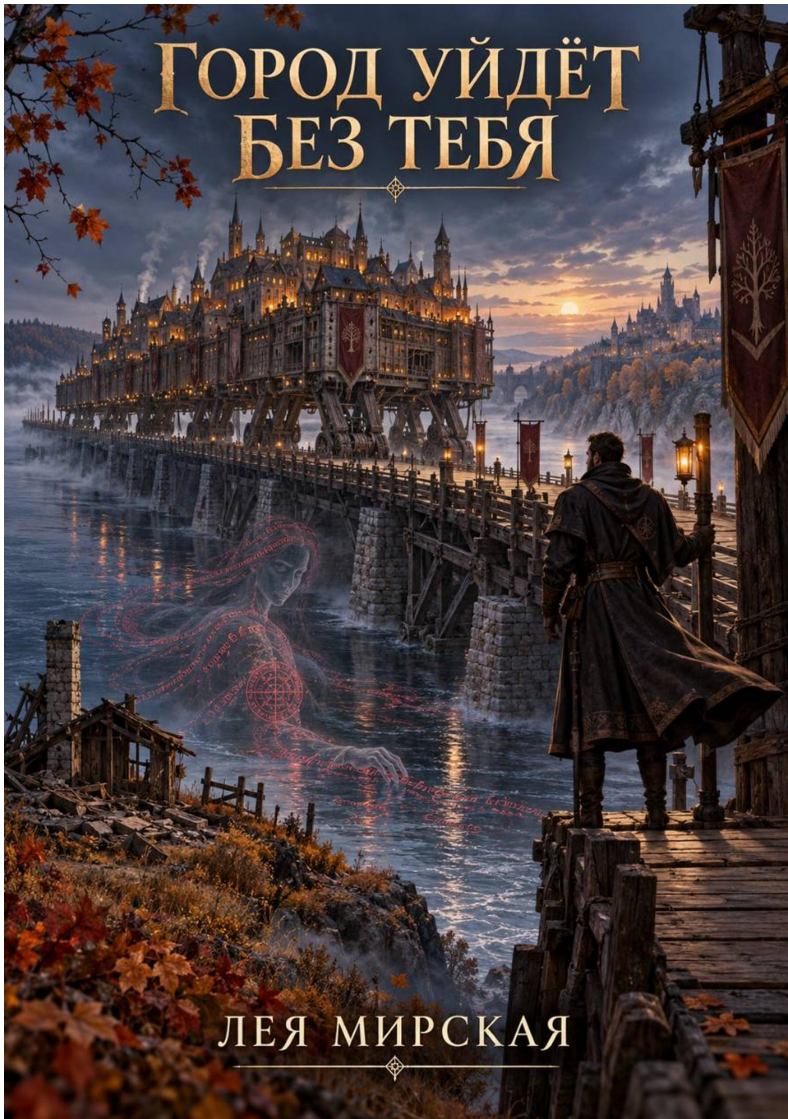

ГОРОД УЙДЁТ БЕЗ ТЕБЯ

ЛЕЯ МИРСКАЯ

Лея Мирская

Город уйдёт без тебя

<https://litres.ru/74608697>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждую осень Вележ снимается с места и переходит в другое княжество по единственному мосту. Но в этом году мост оказался короче на девять сажень, а дух старого договора требует платить за недостающую дорогу признанными ошибками.

Смотритель Мирон Реж знает, где искать причину: пятнадцать лет назад он сдвинул островную опору ради собственного дома и скрыл неверный расчёт. Теперь каждое честное исправление на время создаёт новый пролёт, а брошенная работа роняет доски под целыми кварталами. Пока два княжества делят пошрины и землю, Мирону предстоит провести город над ледяной водой, признать не только ошибку, но и выгоду от молчания — и решить, можно ли спасти людей, не удерживая дом любой ценой.

«Город уйдёт без тебя» — фэнтези о ремесле, ответственности и свободе выбрать свой берег.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Последний неподвижный дом	5
Глава 2. Город снимается с места	22
Глава 3. Девять недостающих саженей	44
Глава 4. Дух читает по строке	62
Глава 5. Первый лишний пролёт	85
Глава 6. Опись тех, кто уходит	105
Глава 7. Пошлина двух берегов	129
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Лея Мирская

Город уйдёт без тебя

От автора

Город обычно кажется самым неподвижным человеческим изобретением. Он обещает знакомый поворот улицы, окно напротив и порог, который будет ждать возвращения. Но что случится, если весь город каждую осень обязан сняться с места, а один дом не умеет двигаться?

Эта история — о зрителе моста, который привык отвечать за чужой переход и слишком долго откладывал разговор о собственной ошибке. В мире Вележа признание способно дать мосту недостающую длину. Однако слова держат пролёт лишь до тех пор, пока человек действительно исправляет причинённый вред. Поэтому здесь нельзя построить дорогу из одного раскаяния.

Перед вами роман о буквальном договоре, ремесле и праве остаться. Его герои будут спорить не только о том, кому принадлежит земля, но и о том, что считать домом: строение, запись в описи, людей рядом или возможность вернуться по собственной воле.

Глава 1. Последний неподвижный дом

За двенадцать дней до ледостава Вележ поднялся на опоры.

Сначала дрогнула улица Медников. Под домами повернулись огромные деревянные колёса, смазанные рыбьим жиром, и мостовая разошлась по заранее оставленным швам. Потом заскрипела Рыночная площадь. Каменные лавки стояли на общих полозьях: восемьдесят человек тянули ворот, пока ещё сорок подкладывали под раму круглые брёвна. Колокольня опустила медный язык, чтобы он не раскачал башню на переходе.

Мирон Реж слышал подготовку лучше, чем видел. У каждого квартала был собственный голос. Правильная рама стояла низко и ровно. Сухой канат посвистывал. Перегруженная опора щёлкала дважды перед тем, как лопнуть.

Большой мост в это утро молчал.

Мирон стоял на островной площадке между двумя рукавами Вежи и ждал первого звука натянутых тросов. Вода была чёрной, с мелкой рябью. Над восточным берегом лежал туман, западные склады Ровени блестели мокрыми крышами. До рассвета плотники установили последний сборный пролёт. По расчёту мост должен был коснуться ставьского

подхода сразу после натяжения главного каната.

Коснуться не получилось.

Между крайней балкой и каменным устоем оставалась вода.

— Сколько? — спросила Дара Лист.

Она лежала на животе у края, свесив мерную цепь. Седые пряди выбились из-под шерстяной шапки и почти касались воды.

— Девять саженей и две пяди, — ответил Мирон.

— Ты ещё не мерил.

— Вижу по углу каната.

— Угол умеет лгать человеку, который хочет услышать старый расчёт.

Дара отпустила цепь. Медные звенья зазвенели, груз ушёл под воду. Двое учеников натянули верёвку от метки до устоя. Дара поднялась, вытерла ладони о передник и назвала число:

— Девять саженей, одна стопа, три пальца.

— При полной тяге выберем стопу.

— А три пальца?

— Дерево набухнет.

— Тогда останутся девять саженей.

Мирон прошёл к вороту. Главный канат был толщиной с его бедро, сплетён из конопли и тонких жил речного дерева. На волокнах выступала вода. Он приложил ухо к канату и ударил деревянным молоточком.

Звук прошёл на запад, вернулся дрожью. Ни обрыва, ни

слабого узла. Натяжение было таким, какое он записал вчера.

— Трос не растянут, — сказал он.

— Это хорошая новость для троса.

— Сборщики могли перепутать короткую секцию.

— Я считала секции сама.

— Значит, ставьский устой подмыло.

— Его проверяли три дня назад.

Дара не спорила ради удовольствия. За двадцать лет совместной работы Мирон научился узнавать её осторожность: чем спокойнее она перечисляла невозможное, тем ближе была неприятная причина.

Он посмотрел под ноги. Островная площадка состояла из девяти рядов камня. На ней стоял ворот, склад запасных скоб и единственный дом, который не собирались перевозить осенью.

Дом Мирона был виден за мостовыми рамами: два этажа серого дерева, красная крыша, узкие окна. Отец построил его до того, как Мирон стал смотрителем. Тогда остров считали частью моста, а не землёй одного из княжеств. В последние годы сборщики с обоих берегов называли дом то ровеньским, когда требовали налог за дым, то ставьским, когда Мирон просил ремонтировать берег.

Каждую осень Вележ уходил, а дом оставался среди воды. Каждую весну город возвращался к нему.

— Опора не сдвинулась, — сказал Мирон.

Дара проследила за его взглядом.

— Я не спрашивала про опору.

— Но подумала.

— Я думаю обо всём, что держит мост. Ты должен делать то же самое.

С западного берега протрубили сбор. Первый звук означал: кварталы подняты. Второй прозвучит после проверки описи. На третий передовой груз выйдет на мост.

Мирон вынул из футляра расчётную дощечку. На ней были вырезаны длины тридцати двух сборных частей. Все числа сходились. Он перевернул дощечку. На обороте отец когда-то нацарапал высоту островной воды в год большого паводка.

Ниже Мирон добавил свою метку пятнадцать лет назад, когда усиливал западный бок опоры. Тогда течение било в дом. Он перенёс два нижних ряда на локоть к востоку и выиграл сухой погреб.

Один локоть не превращался в девять саженей. Но течение после переноса могло медленно срезать берег у противоположного устоя. Мирон знал это так же ясно, как знал голос перегруженного каната.

— Проверим все секции, — сказал он. — Потом дно.

— До третьей трубы два часа.

— Значит, по четыре минуты на секцию.

— А если дело в острове?

— Тогда проверка покажет.

Дара посмотрела на него, но не спросила второй раз.

Проверка началась с западного подхода. Мирон шёл по мосту, а за ним двое учеников несли мерный шест. Настил ещё не был сплошным. Между секциями виднелась вода, через каждые двадцать шагов торчали пустые гнёзда для боковых оград. На постоянной части лежала осенняя грязь, на сборной доски пахли свежей смолой.

У первой секции длина совпала. У второй тоже. На пятой нашли балку, поставленную меткой вниз, но её размер был верным. У двенадцатой один шип вошёл не до конца, что давало лишнюю, а не потерянную ладонь. Мирон приказал перебить его.

Город готовился за его спиной. Из переулков выносили последние бочки. Печи гасили, горячие угли складывали в закрытые железные ящики. Куры кричали из плетёных клеток. На полозьях торгового ряда сидели дети и спорили, чей дом первым коснётся зимней земли.

Для них переход был праздником. Взрослые помнили, сколько способов у города упасть.

На семнадцатой секции Мирона догнала Ада Соль. Она шла быстро, придерживая кожаную папку под плащом. На поясе висели три чернильницы: чёрная для уходящих, синяя для остающихся вещей, красная для споров.

— В описи один неподвижный дом, — сказала она вместо приветствия.

— Как и прошлой осенью.

— Прошлой осенью его тоже вычеркнули.

— И вписали как имущество мостовой службы.

— В приложение, не в город.

Мирон продолжал простукивать балку.

— Мостовая служба уходит с городом.

— Инструменты, смены и разборные сараи. Дом не уходит.

— Он стоит на мостовом острове.

— Именно поэтому оба княжества прислали требования.

Ада раскрыла папку. Внутри лежали два листа с печатями. Ровень объявляла всё оставшееся к востоку от главного русла своей землёй. Ставь считала границей западный рукав и относила остров к себе. Формулировки различались, сумма пошлины была почти одинаковой.

— Пусть сначала решат между собой, — сказал Мирон.

— Пока они решают, я не могу назвать дом частью Вележа.

— Если ты его вычеркнешь, Скрепа признает дом брошенным.

— Скрепа читает договор. Там город — люди и движимые строения, внесённые в осеннюю опись.

— Дом служит мосту.

— Тогда запиши его мостовым строением.

— Я уже сказал.

— Не мне. В рабочей книге. С перечнем того, что в доме необходимо переходу.

Мирон представил комнаты. Нижняя мастерская действи-

тельно хранила запасные клинья, мерные цепи и старые планы. Но наверху стояла отцовская кровать, тёткин сундук и стол, за которым Тиш учился вырезать первые шипы. Если назвать всё здание складом, придётся открыть его для городской проверки и признать, что жилые комнаты занимают мостовую землю.

— После перехода составлю перечень, — сказал он.

— После перехода опись закроется.

— Сейчас у нас девять саженей воды между мостом и берегом.

Ада посмотрела вперёд. Конец моста действительно висел над Вежей, не достигая ставьского устоя.

— Вчера недоставало двух, — сказала она.

— Вчера мерили по береговой метке. Вода поднялась.

— Подъём воды не укорачивает дерево.

— Он меняет место подхода.

— Значит, опись пока не закрываю. Но дом красной строкой.

— Не вычёркивай.

— Красная строка — не вычёркивание. Это спор.

Ада написала что-то на полях. Мирон знал её достаточно давно, чтобы не пытаться заглянуть через плечо. Она всё равно прочтёт запись вслух при закрытии.

— Где Тиш? — спросил он.

— С возчиками у северной рамы.

— Он должен быть на второй проверке канатов.

— Он сказал, что сменился.

— С кем?

— С Рыком Борой.

— Рык не слышит мокрый трос.

— Тогда поговори с племянником, а не со мной.

Она ушла к западному берегу. Красная чернильница удалялась о бедро при каждом шаге.

Все тридцать две секции оказались нужной длины. Ученики сложили шесты. Дара встретила Мирона у острова с ещё одной дощечкой.

— Ставьский устой на месте, — сказала она. — Водолазы нашли старую метку. Восточный подход ушёл вниз на поллоктя, но не в сторону.

— Значит, ошибка в натяжении.

— Канат верен.

— Тогда в расчёте.

— Чьём?

Вопрос был лишним. Все основные числа подписывал смотритель.

Мирон забрал дощечку и пошёл к дому. Ему нужно было найти книгу пятнадцатилетней давности, где записан перенос нижних рядов. Дара пошла следом.

— У нас час до третьей трубы, — напомнила она.

— Я помню.

— Если длины нет, её можно получить.

— Не начинай.

— Я говорю о договоре.

— Я знаю, о чём ты говоришь.

Признанная ошибка могла дать мосту новый пролёт. Вележ пользовался этим в авариях: плотник признавал неверный шип и переделывал узел, возчик называл перегруз и снимал мешки, писарь исправлял ложную строку. Пока исправление шло, из воды поднимались доски и камни, которых хватало закрыть опасный разрыв.

Но признание нельзя было назначить заранее. Нельзя было сказать городу: нам нужно девять саженей, найдите ошибку подходящего размера. Точнее, сказать было можно. После таких приказов люди начинали называть всё подряд, а Скрепа принимала только правду, связанную с вредом. Двадцать лет назад один смотритель собрал сорок признаний ради зимнего перехода. Мост вырос на три сажени, затем исчез под обозом, потому что половину исправлений бросили сразу после появления досок.

— Сначала найдём причину, — сказал Мирон.

— Причина может быть в книге у тебя под крышей.

Дом встретил их холодом. Мирон погасил печь накануне, хотя не собирался перевозить здание. Так требовали правила перехода для всех строений возле канатов. На столе лежала чистая скатерть, окна были закрыты ставнями. Снаружи город грохотал и кричал, внутри слышно было только тиканье водяных часов.

Мирон открыл нижний шкаф. Книги расчётов стояли по

годам. Нужная оказалась зажата между отчётом о ледоходе и описью сгнивших свай.

Он положил её на стол.

— Пятнадцать лет назад, — сказала Дара.

— После большого паводка.

— Ты был зрителем третий год.

— Четвёртый.

В книге сохранился запах старой копоти. Мирон нашёл схему острова. Нижняя опора была нарисована дважды: исходная тонкой линией, новая — жирной. Между ними стояло расстояние в один локоть и подпись отца: «Берег дома укреплён».

Подпись зрителя находилась ниже. Его собственная.

— Ты указал изменение в ширину, — сказала Дара.

— Потому что перенесли только боковой ряд.

— Посмотри на привязку.

Она положила ноготь на исходную метку главного каната. После переноса бокового ряда Мирон сдвинул ворот, чтобы канат не тёрся о камень. На схеме сдвиг составлял ладонь. В таблице натяжения осталась прежняя точка.

Одна ладонь у ворота меняла угол по всей длине. Не давала девяти сажень сама, но каждый год заставляла сборщиков подгонять секции по неверной прямой. Они добавляли к западному краю, снимали с восточного, считая это усушкой и течением. За пятнадцать лет ошибка выросла вместе с мостом.

— Девять саженей, — сказала Дара.

— Нужно пересчитать.

— Конечно.

Мирон взял уголь. Рука не дрожала. Он умножал длину каната на смещение, сверял угол, вычитал поправки прежних лет. Ответ вышел восемь саженей и пять стоп. Остаток давала просадка подхода.

— Если вернуть ворот на старую точку? — спросила Дара.

— Канат пройдёт через северный угол дома.

— Угол можно снять.

— И две стены. Ворот тоже придётся переставить, а под ним складская плита.

— Зато мост дойдёт до берега.

Мирон смотрел на жирную линию. Отец строил дом тридцать семь лет. После смерти матери они жили здесь вдвоём. Потом отец умер, Тиш поселился у Мирона, потому что сестра не вернулась из зимнего перехода. Дом был не просто деревом. Но и город за окном не был просто грузом.

— Мы можем добрать длину исправлениями на секциях, — сказал он.

— Какими?

— Найдутся.

— Мирон.

— Не сейчас.

Второй трубный сигнал прокатился над крышами. Опись была проверена. До выхода передового груза оставалось

меньше получаса.

К дому подбежал Тиш. Он не постучал, толкнул дверь плечом. На куртке блестела смола, волосы прилипли ко лбу.

— Северная рама готова. Рык принял канат.

— Рык не принимает мой канат без моего разрешения.

— Я отдал ему смену.

— Почему?

— Потому что остаюсь.

Мирон решил, что речь о доме на время перехода.

— На острове никто не остаётся, пока город над водой.

— Не на острове. В Ровени.

Тиш достал из-за пазухи деревянный знак мастерской. На нём был вырезан ровеньский береговой герб.

— Я получил место у колёсников. Они строят новый двор за складами.

— Весной вернёшься с городом.

— Нет. Двор работает круглый год.

— Ты мостовой возчик.

— До закрытия моей смены. Потом — нет.

Мирон почувствовал, как привычные слова сами становятся в ряд: должность, обучение, семейный долг, место отца. Он успел остановить только последнее.

— Мы договорились, что после этого перехода ты начнёшь учиться на смотрителя.

— Ты договорился.

Тиш увидел раскрытую книгу.

— Что случилось?

— Не твоё дело, если ты уже ровеньский колёсник, — ответил Мирон.

Дара резко закрыла книгу ладонью.

— Девяти саженой не хватает, — сказала она. — Ошибка в островном расчёте.

— Чья?

Мирон посмотрел на неё. Она не ответила за него.

Снаружи раздался третий сигнал.

Передовой груз тронулся. По мосту побежала дрожь: сначала слабая, затем тяжёлая, мерная. Колёса первой телеги вошли на западный подход.

Водяные часы на стене качнулись. Из нижней чаши выплеснулась капля.

— Останавливай груз, — сказала Дара.

— Если остановим на подходе, площадь не сможет повернуть раму.

— Если не остановим, телега дойдёт до разрыва.

— До разрыва две тысячи шагов.

— Это не ответ.

Мирон схватил сигнальный молот и вышел. На площадке у ворот висел бронзовый круг. Один удар означал медленнее. Два — остановиться. Три — опасность для всего моста. Он ударил дважды.

Гул прошёл над водой. С западного берега ответили двумя ударами. Скрип города стал тише не сразу: каждую раму

нужно было закрепить, каждое колесо подпереть. Наконец передовая телега остановилась у первой секции.

Любава Грань уже шла к острову. За ней спешила Ада с папкой и несколько старших смен. Люди на берегу поворачивали головы к мосту. Праздничный шум менялся тревожным.

— Причина остановки? — спросила Любава.

— Недостаёт длины до восточного устоя.

— Сколько?

— Девять сажень.

— Вчера было две.

— Вчерашняя мерка была неверна.

— Чья мерка?

Мирон чувствовал раскрытую книгу за стеной дома, видел жирную линию и собственную подпись. Достаточно было назвать ошибку сейчас. Если он тут же начнёт переставлять ворот, Скрепа могла дать мосту временную длину. Но канат прошёл бы через дом. А дом не внесён в опись. После начала разбора Ада уже не сможет записать его движимым строением даже как спор.

— Проверяем сборные секции, — сказал он. — Возможно, неверно поставлен один из пролётов.

Дара ничего не сказала.

Тиш стоял у двери. На шее у него висел знак ровеньской мастерской.

Любава повернулась к реке.

— Скрепа! — позвала она.

Вода под островной площадкой стала гладкой. Рябь исчезла, хотя ветер продолжал трогать плащи. Из отражения моста поднялись строки — тёмные, будто написанные чернилами прямо на воде. Они сложились в высокую фигуру без лица. В груди у неё висели две печати княжеств.

— Вележ признал ошибку? — спросил дух.

Голос звучал одновременно под мостом и внутри бронзового круга.

Любава шагнула вперёд.

— Мы ошиблись в подготовке перехода и исправим всё необходимое. Дай мосту девять саженей.

Вода не изменилась.

— Кто ошибся? — спросила Скрепа.

— Город.

— Город внесён в опись. Ошибка не внесена.

— Смотритель проверяет расчёты.

— Какой расчёт неверен?

Любава посмотрела на Мирона.

Он мог назвать старую точку ворота. Вместо этого поднял расчётную дощечку.

— Пока не установлено.

Строки на воде дрогнули.

— Не установлен вред. Не названо исправление. Дополнительная длина не положена.

Фигура рассыпалась. Две печати ушли под воду послед-

ними.

На западном берегу люди заговорили громче. Девять саженей открытой воды теперь видел весь город.

Ада раскрыла опись.

— До ледостава двенадцать дней, — сказала она. — Первый день уже начался. Я оставляю список открытым до вечера. Потом каждый дом должен быть либо уходящим, либо остающимся.

Красным пером она провела строку напротив дома Мирона.

— Не вычёркивай его, — повторил он.

— Я и не вычёркиваю. Но к вечеру спор должен получить предмет: либо дом движется с городом, либо остаётся на земле.

— Это мостовой остров.

— Тогда к вечеру покажи, где заканчивается мост и начинается твой дом.

Она закрыла папку.

Мирон посмотрел на красную крышу. Главный канат шёл мимо северного угла так близко, что при сильном ветре касался водостока. Чтобы вернуть ворот в правильную точку, придётся снять эту крышу, стену спальни и половину мастерской. Возможно, весь дом, если старый фундамент связан с опорой.

За спиной стоял остановленный Вележ. Впереди не хватало девяти саженей.

Мирон всю жизнь следил, чтобы город не ушёл без тех, кто принадлежал ему.

Теперь город мог уйти без Мирона — и только потому, что он слишком долго заставлял мост обходить собственный дом.

Глава 2. Город снимается с места

Остановленный город оказался тяжелее движущегося.

Пока рамы ползли к мосту, Вележ словно помогал сам себе: колёса перекатывались, люди подхватывали общий счёт, канаты принимали вес один за другим. Теперь каждая улица застыла не там, где её строили. Южный жилой ряд стоял поперёк старой мостовой. Рыночная площадь нависла углом над пустым двором. Передовая телега замерла на западном подходе, и шесть лошадей тянули постромки, хотя возчики уже поставили под колёса клинья.

Скрип не стих. Он только потерял ритм.

Мирон слышал, как где-то в глубине города сухая опора брала лишний вес. Сначала раздался один щелчок, потом второй.

— Северная рама, — сказал он.

Дара уже повернулась на звук.

— Третий дом от мыльного ряда.

Они побежали с острова к западному берегу. На постоянной части моста было тесно: мастера шли к смотрителю за приказами, посыльные несли противоречивые распоряжения, жители пытались добраться до своих домов. Мирон поднял сигнальный молот и ударил по малому кругу один раз. Уступить дорогу смотрителю. Люди прижались к ограде.

Тиш догнал их у первой секции.

— Я знаю эту раму, — сказал он. — Там левый задний башмак вязнет.

— Ты сменился, — ответил Мирон, не замедляя шага.

— Город ещё не сошёл с места.

— Именно поэтому вернись к своему канату.

— Рык принял канат.

Мирон хотел приказать, но впереди снова треснуло. Теперь громко. Над крышами качнулась длинная жердь с красной лентой — знак перегруженной опоры.

Они спрыгнули с подхода на разбитую улицу. Северная рама несла четыре дома сразу. Обычно её выводили первой и ставили на ровное место перед мостом, но передовой груз остановился, и раму пришлось закрепить на повороте. Два передних башмака стояли на камне, правый задний — на бревенчатом настиле, левый провалился в старую водосточную канаву. Над ним накренился дом красильщика. Из окна второго этажа хозяйка передавала соседям узлы с одеждой.

— Всем выйти! — крикнул Мирон. — Без сундуков. Дети первыми.

— Я тридцать лет этот сундук набивала! — отозвалась женщина.

— Значит, он переждёт вас ещё пять минут.

Дара легла на землю возле башмака, сунула руку в щель и выругалась.

— Нижнее ребро лопнуло. Поднять дом, вынуть башмак, поставить запасной.

— Вся рама на перекосе, — сказал Тиш. — Если поднимать один угол, красильня съедет.

— Не съедет, если держать правый трос.

— Правый трос привязан к мыльному ряду. Он сейчас примет оба дома.

Дара посмотрела на него внимательнее.

— Что предлагаешь?

Тиш указал на круглые брёвна под рамой.

— Выкатить среднее, положить поперёк канавы и посадить на него два угла. Тогда можно менять башмак без подъёма.

— Бревно под весом.

— Снимем вес воротом.

— Ворот занят передовой тягой, — сказал Мирон.

Тиш кивнул к мастерскому знаку у себя на груди.

— У колёсников два малых ворота. Я знаю, где они.

Он не стал ждать разрешения и побежал к ровеньским складам. Мирон проводил его взглядом. Ещё утром Тиш считался мостовым возчиком. Теперь он уже говорил «у колёсников» так, будто всю жизнь принадлежал их двору.

— Хорошее решение, — заметила Дара.

— Он должен был предупредить меня раньше.

— Рама тоже должна была предупредить. Но сказала только тогда, когда треснула.

Мирон опустился возле канавы. Спорить было некогда. Он провёл ладонью по сломанному ребру: дерево сгнило из-

нутри. Снаружи его покрыли свежей смолой, и при утренней проверке гниль не проступила.

— Кто принимал башмаки?

Молодой подмастерье у стены побледнел.

— Я только смолил. Принимал мастер Крут.

— Где он?

— На передовой телеге.

До неё было полмили через застывшие рамы. Мирон посмотрел на трещину. Ошибка имела имя, вред и ясное исправление. Если мастер Крут признает, что пропустил гниль, и заменит башмак, Крепа даст мосту длину, пока идёт работа. Может быть, две стопы. Может, сажень. Девять так не набрать, но передовой груз хотя бы дойдёт дальше.

Он поймал себя на том, что измеряет чужую вину саженьями.

— Позовите Крута, — приказал Мирон. — Не для моста. Для его рамы.

Подмастерье убежал.

Тиш вернулся с шестью колёсниками. Они катили два низких ворота, каждый на четырёх колёсах. Старший колёсник, широкоплечий мужчина с обритой головой, увидел знак у Тиша и сорвал его с ремешка.

— Знак выдаётся после первой работы, — сказал он.

— Вы сами дали.

— Чтобы ты пришёл к нам после перехода, а не командовал от нашего имени посреди чужой улицы.

Тиш покраснел, но не отступил.

— Ваши ворота спасут четыре дома.

— Это верно. Поэтому мы здесь. А знак заслужишь руками.

Он вернул деревянную дощечку, но не Тишу, а положил на край рамы.

Мирон ожидал, что племянник огрызнётся. Тиш лишь снял куртку, бросил её рядом со знаком и полез крепить трос под домом красильщика.

Работа сразу вытеснила разговоры. Дара назначила людей на оба ворота. Колёсники протянули цепи под рамой, обмотали стойки войлоком, чтобы железо не съело дерево. Мирон проверил узлы. Тиш лежал по другую сторону канавы, лицом в грязи, и продевал короткий трос между балками.

— Правее, — сказал Мирон.

— Там печная плита.

— Я вижу.

— Тогда не проси перерезать балку углом.

Мирон сдержал ответ. Он действительно не видел плиту с этой стороны.

— На ладонь левее, — поправил он.

Тиш протянул трос. Мирон поймал конец, связал двойным мостовым узлом и дёрнул два раза. Готово.

Они всегда хорошо работали молча. В детстве Тиш подавал ему скобы ещё до того, как Мирон протягивал руку. В пятнадцать лет научился слышать натяжение. В восем-

надцать первым заметил, что одна из старых свай раскололась под водой. Мирон считал это доказательством будущего: племянник станет зрителем, поселится в островном доме, продолжит службу. Он ни разу не спросил, считает ли так Тиш.

Вороты натянули цепи. Рама застонала, приподнялась на толщину пальца. Колёсники выбили среднее бревно, перевернули и уложили поперёк канавы. Тиш нырнул под край вместе с Дарой, поставил короткие катки. Люди ослабили цепи. Два угла рамы сели на новую опору.

Дом красильщика выровнялся. Хозяйка высунулась из окна с сундуком в руках.

— Теперь можно?

— Теперь выходите сами, — сказал Мирон. — Сундук оставьте.

— Так бы сразу и сказал.

Она передала сундук соседям и спустилась последней.

Мастер Крут пришёл, когда сломанный башмак уже вытаскивали. Это был сухой старик с длинными пальцами, всегда пахнувший горячей смолой. Он увидел тёмную труху внутри ребра и остановился.

— Я простукивал, — сказал он.

— Чем? — спросила Дара.

— Молотком.

— Где следы?

На свежей смоле не было ни одной вмятины.

Крут провёл пальцем по чёрному боку башмака.

— Не простукивал, — сказал он тише. — Торопился закрыть ряд до дождя. Подмастерье смолил, я поставил приёмную насечку.

В канаве под рамой заблестела вода. Сначала Мирон решил, что прорвало старый сток. Потом поверхность стала ровной, и на ней проступили тёмные буквы.

Скрепа не поднялась в полный рост. Здесь для неё не хватало открытой воды. Голос пришёл из канавы, из мокрых брёвен и натянутых цепей.

— Названо действие. Назови вред.

Крут опустил на колено.

— Поставил гнилой башмак под северную раму. Четыре дома могли упасть.

— Назови исправление.

Старик посмотрел на выбитую деталь.

— Сделаю новый башмак сам. Проверю остальные семь и заменю каждый, который не простучал.

Вода в канаве поднялась тонкой стеной. В ней отражался не дом красильщика, а край Большого моста далеко впереди. Из пустоты под крайней балкой вышли мокрые доски. Они складывались одна к другой, пока над рекой не появился короткий настил.

— Сколько? — спросила Дара.

Мирон прикинул расстояние по ширине досок.

— Две стопы.

Крут побледнел.

— Четыре дома — и две стопы?

— Длина соответствует исправлению, — произнесла Скрепа. — Вред не является мерой выгоды.

Буквы растаяли. В канаву снова потекла грязная вода.

Мирон повторил про себя слова духа. Вред не мера выгоды. Нельзя было собрать девять сажений, отыскивая самые страшные промахи. Мост давал ровно столько, сколько занимало действительное исправление. Крут мог провести весь день за новыми башмаками, но две стопы исчезнут, если он бросит работу, и не станут постоянным деревом, когда закончит. Они были отсрочкой, не подарком.

— Работай, — сказала Дара мастеру. — Подмастерьев возьми, но каждый башмак проверь сам.

Мирон поднялся на раму. С высоты он видел западный подход. Дополнительные две стопы у дальнего конца казались светлой чертой над водой. Люди тоже их заметили. По улицам прошёл радостный гул.

— Смотритель нашёл длину! — крикнул кто-то.

Мирон хотел возразить. Длина принадлежала исправлению Крута. Но крик уже подхватили дальше:

— Мост растёт!

— Нашли ошибку!

— Можно двигаться!

От острова спешила Любава. За ней шли старшие кварталов, и на лицах у всех была одна и та же надежда: если две

стопы появились так быстро, девять сажений можно набрать до полудня.

— Пускай передовую телегу, — сказала Любава, едва поднявшись на раму.

— Нет.

— Мост получил длину.

— Две стопы из девяти сажений.

— Получит ещё.

— Пока перед нами вода.

— Телега будет идти полчасу. За это время люди назовут ошибки.

Мирон посмотрел на старших. Один уже шептался с пекарем, другой послал мальчишку в сторону кожевненного ряда. Город понял опасную вещь: признание можно обменять на дорогу.

— Никто не двигается, пока край моста не ляжет на устой, — сказал Мирон. — И никто не ищет вину по требуемой длине.

— До ледостава двенадцать дней.

— До воды под телегой один неверный приказ.

Любава поджала губы.

— Тогда освободи подход. Южные рамы уже подняты, северная стоит на повороте, площадь не может вернуться. Если город не движется вперёд, его нужно хотя бы поставить ровно.

С этим Мирон спорить не мог. Вележ снимался с места

по порядку, похожему на развязывание огромного узла. Каждый квартал освобождал путь следующему. Остановить процесс после третьей трубы означало не сохранить город на месте, а оставить его разобранным.

— Передовую телегу закрепить на первой секции, — приказал он. — Жилой ряд вывести на подход и остановить до моста. Рыночную площадь повернуть вдоль старой улицы. Северную раму — на освободившееся место площади после замены башмака. Между рамами держать десять шагов. Ни один груз не входит на сборную часть без моего сигнала.

— Так половина города окажется вне старых оснований, — сказала Любава.

— Она уже там.

Он взял у посыльного красную ленту, привязал к малому кругу и ударил новый счёт: три медленных, два быстрых, три медленных. Движение внутри берега, мост закрыт.

Ответные удары прокатились по улицам. Вележ снова закрипел.

Теперь город двигался без дороги впереди.

Мирон вернулся к островному вороту. Оттуда он мог видеть все главные канаты. Передовую телегу протянули ещё на сорок шагов и закрепили. За ней на подход вышел жилой ряд. Дома двигались боком, окнами к реке. В одном окне старуха спокойно вязала чулок, словно каждый год наблюда-ла, как её спальня плывёт над мостовой. На крыше другого дома двое трубочистов снимали жестяной колпак, который

цеплялся за сигнальные верёвки.

Рыночная площадь поворачивалась тяжело. Её общая рама была шире улицы, поэтому угловые лавки проходили над чужими дворами. Люди держали крыши баграми. С прилавка упала связка медных чаш, зазвенела под полозьями, и торговка бросилась за ней. Возчик успел схватить женщину за пояс.

— Вещи остаются! — крикнул Мирон в рупор. — Люди не лезут под рамы!

— Это мой товар! — ответила торговка.

— Если площадь сядет, товар станет крышей над вашей могилой.

Женщина перестала вырываться. Чаши расплющило следующим бревном.

Каждое движение требовало нового решения. Западный берег был рассчитан на город, стоящий на каменных подкладках, а не на десятки домов, остановленных в переулках. Мирон посылал людей укреплять водостоки, снимать ворота, разбирать навесы. Дара вела северную раму. Ада ходила между кварталами с открытой описью и записывала, где теперь находится каждый дом.

Тиш работал у малых ворот колёсников. Он не вернул мастерской знак, но и не надел его. Дощечка лежала на раме рядом с курткой. Когда сломанный башмак вынули, Тиш вместе с Крутом перенёс его к навесу и начал тесать заготовку.

Мирон наблюдал несколько минут, потом велел сменщику принять сигнальный молот и спустился к ним.

— Ты нужен на северном канате, — сказал он.

Тиш не поднял головы.

— Там Рык.

— Рык слышит обрыв, но не слышит воду внутри пряди.

— Тогда научи его.

— Я учил тебя восемь лет.

Тиш провёл черту по буковой заготовке и взял тесло.

— Я не просил восемь лет.

— В двенадцать ты сам пришёл на мост.

— Потому что жил в твоём доме и ел за твоим столом.

Куда мне было идти?

Удар тесла вышел неровным. Тиш снял слишком толстую щепу, выругался и перевернул заготовку.

— Ты был ребёнком, — сказал Мирон.

— А теперь нет.

— Поэтому можешь закончить переход, прежде чем бросать работу.

— Я заканчиваю. Северную раму доведу до подхода. Потом останусь здесь.

— В Ровени нет твоего дома.

— Будет комната у колёсников.

— Чужая койка над мастерской.

— Твоя спальня тоже была чужой, пока ты не решил, что она станет моей.

Мирон оглянулся. Крут нарочно ушёл проверять инструменты, но остальные слышали разговор. Тиш сжал рукоять тесла.

— Я не хочу, чтобы ты оставался один, — сказал Мирон тише.

— Тогда не оставайся.

— Мост нельзя бросить.

— Вот именно.

Тиш ударил снова. На этот раз щепка легла ровно.

— Ты каждый год говоришь, что дом нужен мосту, — продолжил он. — Что кто-то должен зимовать у опоры. Но зимой мост разобран. В прошлом году ты три месяца чинил ставни и переписывал отцовские книги. Я не хочу жить там только потому, что ты боишься закрыть дверь.

— Дом построил твой дед.

— Для себя. Не для меня.

— Он оставил его семье.

— Семья — это люди, дядя. Не стены на спорной земле.

Мирон посмотрел на северный угол своего дома. Отсюда красная крыша поднималась над рамами. Главный канат проходил рядом, и при каждом движении города водосток слегка вздрагивал.

— Тебе двадцать, — сказал он. — Ты увидел мастерскую неделю назад.

— Я работал с их старшим всё лето. Ты просто не спрашивал, куда я ухожу в свободные дни.

Это было правдой. Мирон считал, что Тиш встречается с друзьями у пристани, пока тот учился делать колёса.

— Колесо проще моста, — сказал Мирон.

Тиш наконец поднял глаза.

— Поэтому оно хуже?

— Поэтому ты быстро упрёшься в одно и то же.

— Зато это будет моё одно и то же.

К ним подошёл обритый старший колёсник.

— Реж, — обратился он к Тишу, — если остаёшься, будешь учеником с первого дня. Никаких поблажек за мостовую службу. Комната общая. Плата после испытательного месяца.

— Согласен.

— Если уйдёшь с городом сегодня, место отдам другому.

Мирон повернулся к мастеру.

— Вы ставите ему срок в день перехода?

— Я поставил срок две недели назад. Сегодня он должен был дать ответ.

— И вы выбрали момент, когда весь Вележ висит на рамах.

— Момент выбрал не я. Ваш город уходит по календарю.

Тиш положил тесло.

— Я дал ответ утром.

— Мне нет, — сказал Мирон.

— Тебе я пытался дать его всё лето. Ты каждый раз показывал новый узел.

С острова ударил бронзовый круг: два быстрых, один медленный. Неровный ход жилого ряда.

Мирон обернулся на звук. Работа звала его привычным, понятным языком. Тиш тоже услышал сигнал и невольно посмотрел на северный канат.

— Иди, — сказал он. — Я закончу башмак.

— Потом выйдешь на канат.

— До подхода. Не дальше.

Мирон хотел потребовать больше. Вместо этого кивнул и побежал к вороту.

Жилой ряд шёл рывками, потому что левый тяговый канат намок сильнее правого. Рык Бора бил по нему молотком и кричал, что натяжение ровное. Мирон отобрал молоток, приложил ухо к пряди. Внутри каната перекачивалась вода.

— Ослабить левый на два зуба! — приказал он.

— Тогда ряд уйдёт к рынку!

— Правый держать. Левый просушить под нагрузкой.

Люди повернули ворот назад. Канат выпустил воду тёмными струйками. Звук стал выше. Жилой ряд выровнялся и пополз к подходу.

Рык смотрел на Мирона исподлобья.

— Тиш сказал, что я принял смену.

— Принять верёвку и услышать её — разные вещи.

— Так научите.

Второй человек за день сказал Мирону почти то же самое, что должен был сказать он сам много лет назад.

— После того как поставим рамы, — ответил Мирон. — Возьмёшь сухую и мокрую прядь. Будешь слушать, пока не различишь.

Рык кивнул.

К полудню Вележ уже не был городом в привычном смысле. На старых местах остались пустые каменные гнёзда, полосы примятой земли, разобранные водостоки и печные основания. Дома теснились перед мостом в новом порядке. Между ними протянули верёвочные проходы для людей. Рыночная площадь стояла вдоль берега, будто широкая улица с лавками по обе стороны. Северная рама заняла её прежнее место. Передовая телега ждала на мосту.

Две временные стопы всё ещё блестели у восточного конца. Крут работал под навесом, проверяя шестой башмак.

Ада поднялась к вороту и положила папку на перила.

— Я переписала расположение, — сказала она. — Семь домов хотят изменить решение.

— Остаться?

— Три — остаться. Четыре — уйти, хотя утром были записаны в Ровени. Люди увидели, что город действительно может разделиться.

— Опись закрывается вечером.

— Я помню.

— Дом пока красной строкой?

— Пока ты не показал, что он движим, да.

— Если снять северный угол и переставить ворот, осталь-

ное здание останется.

Ада посмотрела сначала на канат, потом на дом.

— Это ты сейчас предлагаешь или спрашиваешь, можно ли назвать три стены домом?

— Уточняю правило.

— Правило простое. В опись входит то, что уходит. Если три стены остаются, они не уходят. Если разобранные брёвна погрузишь на раму, я внесу брёвна.

— Весной их можно собрать обратно.

— Можно. Но это будет уже решение весной, а не доказательство сегодня.

Мирон провёл рукой по мокрому канату. Он искал способ переставить ворот, не называя причины, и одновременно сохранить в описи то, что мешало перестановке. Даже буквальный дух услышал бы в этом ложь.

— Сколько времени займёт перенос ворота? — спросила Ада.

— Если освободить плиту — день. Если плита треснула под домом — два.

— А разбор стены?

— Полдня.

— Значит, это можно начать сейчас.

— Сначала я должен проверить другой способ.

— Какой?

Мирон посмотрел на город. За утро нашлась одна настоящая ошибка — гнилой башмак. В тридцати рамах наверняка

были другие. Неверно уложенные грузы, слабые узлы, забытые подписи. Если исправлять их всё равно нужно, временная длина поможет вывести кварталы к мосту. Он мог получить время для нового расчёта. Найти путь, при котором канат обойдёт дом с другой стороны. Перенести не ворот, а часть островной опоры. Добавить плавучую секцию.

— Проверим каждую раму до выхода, — сказал он. — Всё, что приняли в спешке.

— Это проверка безопасности или поиск признаний?

— Одно не мешает другому.

— Мешает, если ты заранее назначил результат.

— Я ничего не назначил.

— Тогда что было в старой книге?

Он резко посмотрел на неё.

— Дара рассказала?

— Нет. Ты принёс книгу к сходу и держал её закрытой обеими руками. Так держат либо завещание, либо ошибку.

— Перенос опоры после паводка. Я ещё считаю последствия.

— Чья подпись?

Мирон не ответил.

Ада закрыла папку.

— До вечера, — сказала она. — Не потому, что я хочу забрать твой дом. Потому что после закрытия описи каждое неопределённое слово станет решением Скрепы. Дух не выберет за тебя лучший смысл.

Она ушла по мосту. На острове появился Тиш. Он нёс на плече новый башмак, а за ним шли Крут и подмастерья. Дерево было ещё светлым, только торцы покрывала смола.

— Северная рама готова, — сказал Тиш. — Я выведу её на подход, как обещал.

— Потом поговорим дома.

Тиш посмотрел на красную крышу.

— Нет. Поговорим здесь.

— Почему?

— Потому что ты в доме всегда становишься старше меня на тридцать лет и говоришь голосом деда.

Мирон чуть не улыбнулся. Отец действительно умел одним кашлем превратить взрослого сына в провинившегося мальчишку.

— Хорошо. Здесь.

Тиш опустил башмак возле ворота.

— Я остаюсь в Ровени. Не чтобы тебя наказать. Не потому, что мост плохая работа. Я хочу строить то, что остаётся у людей, когда город уходит. Телеги, колёса, детские колыбели на качающихся полозьях. Я договорился с мастером. Я всё лето учился. У меня есть деньги на первый месяц.

— Сколько?

— Неважно.

— Значит, мало.

— Достаточно, если не покупать отдельную комнату.

— А зимой, когда заказы закончатся?

— Колёса ломаются и зимой.

— Ты не знаешь Ровень в ледостав.

— Узнаю.

Каждый ответ Тиша был не мечтой, а уже сделанным шагом. Мастерская, обучение, место, деньги. Мирон искал щель, через которую можно вернуть прежнее будущее, и не находил.

— Мостовая служба заплатила за твоё обучение, — сказал он.

— Я отработал положенные годы. А за еду в твоём доме могу вернуть деньги.

— Не смей считать еду долгом.

— Тогда не считай её договором на мою жизнь.

Слова ударили точнее молотка. Мирон отвернулся к воде.

У восточного конца временный настил дрогнул. Одна из двух стоп стала прозрачной.

— Крут! — крикнул Мирон.

Старый мастер выбежал из-под навеса.

— Я здесь!

— Что остановил?

— Ничего. Шесть проверил, два осталось.

Они посмотрели на настил. Доска снова стала плотной, но по краю продолжала стекать вода.

Скрепа напоминала: обещание держится не словами, а работой. Стоило Круту отвлечься, как длина начала исчезать.

Мирон перевёл взгляд на Тиша. Он не мог приказом удер-

жать племянника и назвать это заботой. Не мог внести человека в опись как дом или инструмент.

Но отпустить — ещё не значило согласиться.

— До подхода, — сказал Мирон. — Потом сдашь канат Рыку при мне. Покажешь ему воду в пряди. После закрытия описи свободен.

Тиш медленно кивнул.

— Согласен.

— И деньги оставь себе.

— Я не просил.

— Я знаю.

Тиш поднял башмак и пошёл к северной раме. Мастерской знак теперь висел у него на шее.

Мирон остался у ворота. Перед ним теснился снятый с оснований Вележ. Позади стоял дом, ради которого пятнадцать лет назад он отвёл канат на ладонь. На дальнем конце моста вода по-прежнему занимала девять саженей без двух временных стоп.

Он развернул чистую расчётную дощечку и начал чертить новую линию. Попробовал пустить главный канат южнее дома. Линия резала склад скоб и требовала перенести две островные сваи. Провёл севернее — канат попадал в глубокий рукав, где плавучая опора не удержалась бы при ледоходе. Добавил боковой ворот — угол нагрузки ломал семнадцатую секцию.

Каждый путь обходил его ошибку и приводил к большему

вреду.

С западного берега снова прозвучал рабочий счёт. Северная рама двинулась. Тиш шёл возле левого каната, Рык — возле правого. У первой метки Тиш остановил людей, удалил по мокрой пряди и дал Рыку приложить ухо. Потом они вместе ослабили ворот на один зуб. Рама выровнялась.

Тиш довёл её до подхода и снял с пояса мостовой молоток. Даже с острова Мирон понял, что сейчас произойдёт.

Племянник положил молоток в ладони Рыка.

Город ещё не ушёл. Он только снялся с места, потерял привычную форму и заполнил берег домами, которые уже не принадлежали старым улицам. Но для Мирона первый уход случился именно тогда: Тиш отпустил рукоять, а Рык принял её обеими руками.

Мирон опустил взгляд на расчётную дощечку.

На ней оставалась одна линия, которую он не хотел проводить: от старой точки ворота прямо через северный угол собственного дома.

Он провёл её.

Глава 3. Девять недостающих сажений

К вечеру река стала выше на два пальца.

В обычный день Мирон заметил бы это по тёмной полосе на островных камнях. Теперь он измерял воду по временно-му настилу: две стопы, созданные исправлением Крута, лежали у дальнего края моста, и волны всё чаще облизывали нижние доски. Настил держался, пока старый мастер работал. Каждый удар его молотка отзывался слабой дрожью под ногами.

Девять сажений не уменьшались.

Мирон сидел на корточках у ворота и чертил четвёртую линию каната. Первые три пришлось зачеркнуть. Южная требовала убрать склад и две сваи. Северная уходила в глубокий рукав. Боковой ворот ломал среднюю секцию. Четвёртая огибала дом по дуге, но канат не умел держать дугу без опор. При первом же грузе он выпрямился бы и снёс стену.

Дара поднялась с воды по верёвочной лестнице. Её куртка потемнела до плеч, с волос стекало.

— Дно ушло, — сказала она.

— Насколько?

— У восточного ребра острова на три ладони. Ниже нашла старый ряд камня.

— Отцовскую кладку?

— Старше. На камне метка первых строителей.

Она положила рядом с дощечкой мокрый слепок. На серой глине отпечатался знак: перекрещенные молоток и весло. Таким знаком отмечали ось Большого моста до появления нынешних книг.

— Метка под водой каждый год, — сказал Мирон.

— Не эта. Эта лежит на девять ладоней западнее нынешней оси.

— Мы уже знаем, что ворот переносили.

— Ворот на ладонь. Каменный ряд на девять.

Мирон поднял голову.

— Ты уверена?

— Поэтому и ныряла трижды.

Дара вынула из кармана ещё два глиняных слепка. На одном была старая цифра глубины, на другом — половина такого же знака.

— Нижний ряд не просто укрепили после паводка, — сказала она. — Его разобрали с западной стороны и сложили на восточной. В твоей книге показан один локоть наверху. Под водой опора переехала сильнее.

— Камни мог сдвинуть лёд.

— Все двенадцать? Ровным рядом? И сложить на раствор?

Мирон стёр большим пальцем четвёртую линию. Уголь размазался по дереву.

— Нужно поднять старую книгу работ.

— Ту, что лежит у тебя на столе?

— Другую. Подённую. В расчётной только итог.

— Итог неверен.

— Неполон.

— Неверен настолько, что мост висит над водой.

Дара говорила без злости. Это было хуже. Злость позволяла защищаться, а спокойствие оставляло только число.

По западному берегу протрубили вечернюю смену. Вележ стоял тесными рядами перед подходом. Дым не поднимался ни из одной трубы: огонь в подвижных домах запрещали до постановки на зимние основания. Люди разводили маленькие жаровни на пустых каменных гнёздах. Запах похлёбки смешивался со смолой и мокрой древесиной.

— До закрытия описи меньше двух часов, — сказала Дара.

— Ада сама решит, когда закрывать.

— Она решит по договору. Ты решишь, что ей сказать.

Мирон собрал дощечки.

— Сначала найдём подённую книгу.

В доме было темнее, чем снаружи. Северный угол заслоняла рама, поставленная на подход, и в окно падала решётчатая тень каната. Мирон зажёл одну лампу. Дара раскрыла шкаф, где хранились рабочие записи отца.

Подённые книги отличались от расчётных. В расчётной оставался чистый результат: длина, угол, число свай. Подён-

ная помнила грязь — сколько людей не вышли на смену, где сломался ворот, кто привёз короткую балку, почему работу отложили. После паводка пятнадцатилетней давности таких книг было три.

Первую Мирон просмотрел стоя. В ней описывали западный подход. Во второй нашлись записи об острове, но нужные семь дней были вырезаны. Неровный край бумаги остался у корешка.

— Кто вырезал? — спросила Дара.

— Не знаю.

— Книга хранилась здесь.

— Тогда отец был жив.

— А смотрителем был ты.

Мирон провёл пальцем по обрывкам листов. Он помнил паводок, холодный дом, отца с опухшими ногами и воду в нижней мастерской. Помнил, как велел переносить камни, пока течение не подмыло фундамент. Но семи отдельных дней не помнил. Тогда он спал по два часа и подписывал десятки рядов.

Третья книга была тоньше. Между страницами нашёлся сложенный лист без номера. На нём отец нарисовал остров снизу, будто вода стала прозрачной. Западный ряд камней был зачёркнут. Восточнее стоял новый. От него к вороту шла стрелка.

Под рисунком Мирон узнал собственный почерк: «Перенести ось временно, до укрепления дома».

Последнее слово было подчёркнуто дважды.

— Временно, — прочитала Дара.

— После зимы должны были вернуть.

— Вернули?

Он перелистнул страницу. Следующая запись относилась уже к весне. Там говорилось о сборке моста по новой оси. Ни слова о возврате.

— Нет.

— Почему?

Мирон помнил ту весну лучше. Отец умер в конце ледостава. Тишу было пять, сестра ещё жила с мужем на зимнем берегу. Мирон один открывал дом после похорон. Новая кладка пережила лёд, погреб оставался сухим. Возвращать ось означало снова разобрать стену, только что спасённую от воды.

— Не дошли руки, — сказал он.

— Пятнадцать лет?

— Каждый год мост собирался.

— По неверной оси.

— Он доходил до устоя.

— Потому что секции подгоняли. По пол-локтя, по ладони. А река ела восточный подход, пока мы считали это обычным течением.

Дара забрала лист и поднесла к лампе. На обороте проступала ещё одна запись, сделанная бледными чернилами: перечень людей и телег. Внизу стояли две подписи — Мирона

и отца.

— Ты знал, что перенос временный, — сказала она.

— Я знал тогда.

— Этого достаточно.

— Я не скрывал намеренно.

— В первый год — возможно. Сегодня скрываешь.

В дверь постучали. Не дожидаясь ответа, вошла Ада. Красная чернильница была почти пуста, чёрная висела нетронутой.

— Через час читаю опись, — сказала она. — Мне нужны сведения о доме.

Дара всё ещё держала лист.

Мирон шагнул между ней и лампой.

— Дом остаётся спорным.

— Спор должен иметь стороны. Кто утверждает, что он уходит?

— Мостовая служба.

— Я говорила со службой. Любава не подпишет движимость здания без рамы.

— Тогда запиши имущество внутри.

— Инструменты уже записаны. Я спрашиваю про стены.

Ада заметила раскрытые книги.

— Нашли расчёт?

— Нашли старую ось, — ответила Дара.

Мирон посмотрел на неё. Дара не отвела глаз.

— И? — спросила Ада.

— Я проверяю, можно ли восстановить её без полного разбора дома, — сказал Мирон.

— Значит, дом стоит на пути исправления.

— На пути одного из вариантов.

— Сколько вариантов осталось?

Он не ответил.

Ада подошла к столу. Дара положила лист поверх книги, но ладонь не убрала.

— Мне не нужна вся история моста, — сказала Ада. — Нужны три ответа. Дом движется? Нет. Дом необходим действующему мосту? Пока ты не показал почему. Дом мешает исправлению? Судя по вашим лицам, да.

— Опись не решает, что разбирать.

— Не решает. Она только не позволяет назвать оставшееся ушедшим.

— Оставь красную строку до утра.

— Договор велит закрыть список после третьего вечернего сигнала первого дня.

— Переход остановлен.

— Город снялся с места. Для Скрепы он начался.

— Тогда не давай третий сигнал.

Ада покачала головой.

— Сигнал отмечает не неудобство зрителя, а время. Если я нарочно не закрою опись, моя собственная ошибка станет ещё одной временной доской. Ты этого хочешь?

Нет, подумал Мирон. Но часть его уже измерила, сколько

длины даст исправление Ады.

Она увидела ответ без слов.

— Вот что с нами делает разрыв, — сказала Ада. — Мы смотрим на любой проступок и спрашиваем, сколько в нём дерева.

Снаружи ударили два раза: первый вечерний сигнал.

— Через полчаса читаю спорные строки на площади, — продолжила она. — Принеси доказательство подвижности или назови дом остающимся. Расчёт моста разбирайте отдельно.

Она вышла.

Дара положила лист на стол.

— Я отнесу это Любаве.

— Пока нет.

— Почему?

— Потому что одной схемы мало. Нужно промерить всю опору и восточный подход. Если я назову перенос причиной, а потом окажется, что половину длины съел берег, Скрепа примет неверное исправление.

— Мы можем назвать то, что знаем: ты не вернул временно перенесённую ось.

— А вред?

— Мост строили по неверной линии пятнадцать лет.

— Это описание, не размер вреда.

— Девять саженей перед глазами.

— Из них часть дала просадка устоя.

Дара взяла лампу и направилась к двери.

— Хорошо. Промерим. Но лист понесу я.

— Это книга смотрителя.

— А мост городской.

Мирон перегородил выход.

Они стояли близко, как во время драки, хотя ни один не поднял рук. Дара была ниже, но шире в плечах. За двадцать лет они спорили о дереве, людях и сроках сотни раз. Никогда — о том, имеет ли Мирон право удержать запись.

— До промера лист останется здесь, — сказал он.

— Ты приказываешь?

— Да.

— Тогда запиши приказ в сменную книгу.

— Запишу.

— И причину.

— Непроверенный расчёт.

— Запиши также, что я требовала открыть его старшей.

Мирон достал сменную книгу. Перо царапнуло бумагу громче, чем должно было. Он указал время, находку, требование Дары и свой приказ удержать лист до полного промера. Подписался.

Дара прочитала запись.

— Теперь это не потеряется, — сказала она.

— Я и не собирался терять.

— Пятнадцать лет назад тоже не собирался.

Они вышли к воде. Для промера нужны были две лод-

ки, цепь, глубинные шесты и четыре человека. Дара позвала свою смену. Мирон выбрал учеников, которые умели записывать числа и не задавали вопросов. Лист он запер в железный ящик под воротом, ключ повесил на шею.

Сначала они нашли старую ось. Один конец цепи закрепили за знаком на западном берегу, второй протянули к ставьскому устью. Над водой линия казалась правильной. На острове она проходила через северный угол дома, точно по угольной черте Мирона.

— Метка! — крикнула Дара из лодки.

Ученик вбил колышек возле стены. Он попал в грядку, где летом рос лук. До фундамента оставалось меньше стопы.

— Следующая!

Цепь натянули дальше. Вторая метка легла на край складской плиты под воротом. Третья — на восточное ребро опоры, над найденным старым рядом.

Мирон записывал расстояния. Каждое число подтверждало схеме.

Потом промерили нынешнюю ось. На западном берегу она совпадала со старой, у дома отклонялась на ладонь, на восточной воде разница превращалась в сажени. Сборные части пятнадцать лет ставили не прямой линией, а едва заметной ломаной. Пока воды было мало, край удавалось подтянуть к устью. За лето восточный берег просел, и запас исчез.

— Семь сажений и четыре стопы даёт ось, — сказала Дара,

сверяя две записи. — Остальное — подход.

— Пересчитай угол второй секции.

— Уже дважды.

— Я сам.

Мирон пересчитал. Получилось то же число.

— Значит, не девять, — сказал он. — Моя ошибка — семь саженей и четыре стопы.

— Тебе от этого легче?

— Исправление должно быть точным.

Они подплыли к восточному подходу. Там каменный устой стоял на месте, но земля за ним осела. Под водой виднелись пустоты между сваями. Течение действительно унесло часть насыпи. Это объясняло оставшуюся длину, но не спасало дом.

Дара сунула шест в одну из пустот. Он ушёл почти целиком.

— Подход нужно набивать камнем, — сказала она. — Две смены за день справятся.

— Если Ставь даст склад.

— Керн Вода потребует пошлину.

— Потребуется.

— А старую ось можно вернуть за день, если начать сейчас.

— Нельзя вести две тяжёлые работы одновременно. Люди нужны на рамах.

— Рамы стоят.

— Именно. Если снять смены, город останется без креплений на ночь.

Дара вытащила шест.

— Ты найдёшь причину не начинать до тех пор, пока ледостав не выберет за тебя.

— Я ищу безопасный порядок.

— Безопасный для чего?

Ответ перекрыл второй вечерний сигнал. Над западным берегом зажглись огни. Ада начинала чтение описи.

Мирон велел грести к острову. Он вышел из лодки, не дожидаясь, пока её привяжут, и едва не поскользнулся на камне. Дара поднялась следом.

— Возьми лист, — сказала она.

— После чтения.

— До чтения он важнее.

— Опись касается дома, не оси.

— Это одна линия, Мирон.

Он пошёл к западному берегу.

Площадь теперь стояла боком к реке. Люди собрались между её рамой и пустыми основаниями жилого ряда. Ада читала с высокого прилавка. Чёрные строки означали уходящих. Синие — имущество и людей, остающихся в Ровени. Красные она откладывала до конца.

Тиш стоял среди колёсников. На нём была сухая куртка, мастерской знак висел поверх воротника. Увидев Мирона, он не подошёл.

Ада перечисляла дома без выражения, но после каждого названия люди отзывались. «Уходим». «Остаёмся». Иногда ответ давали несколько голосов сразу. Иногда семья спорила прямо перед прилавком, и тогда Ада откладывала строку.

Мирон впервые услышал Вележ не как единый груз, а как сотни отдельных решений. Обычно опись была формальностью: город уходил весь, кроме сторожей складов и тех, кто зимовал у родни. Остановка показала людям, что улица может разойтись.

— Тиш Реж, мостовой возчик, — прочитала Ада.

— Остаюсь в Ровени, — ответил Тиш.

Кто-то рядом ахнул. Должность смотрителя привыкли считать наследственной, хотя ни в одном законе этого не было.

Ада обмакнула перо в синюю чернильницу.

— Обязательства перед мостовой службой?

— Смена сдана Рыку Боре при смотрителе. Северная рама поставлена на подход.

Она посмотрела на Мирона.

— Подтверждаешь?

От одного слова зависело, внесут ли Тиша как свободного остающегося или как работника, бросившего переход. Мирон мог сказать, что обучение не закончено. Мог потребовать ещё один день. Скрепа приняла бы долг буквально.

— Подтверждаю, — сказал он.

Ада провела синюю строку.

Тиш выдохнул. Только теперь Мирон понял, что племянник ждал ловушки.

Чтение продолжилось. Три семьи изменили решение и остались. Четыре, наоборот, попросили место среди уходящих. Ада записала всех, не спрашивая о причинах.

Наконец на прилавке остался один красный лист.

— Неподвижный дом на мостовом острове, — прочитала она. — Заявлен Мироном Режем как имущество мостовой службы. Движимой рамы нет. Назначение для перехода не подтверждено. Притязания подали оба княжества. Владелец, назови решение.

Сотни людей повернулись к Мирону.

За их спинами стоял дом. В окне горела оставленная лампа. Северный угол пересекала невидимая для остальных старая ось.

— Дом остаётся частью мостовой службы, — сказал он.

— Это назначение, не решение. Он уходит или остаётся?

— Остаётся на острове до весны.

— Значит, остаётся в Ровени?

— Остров не принадлежит Ровени.

— Тогда в Стави?

— Не принадлежит Стави.

У воды раздался знакомый голос:

— Невнесённое в уходящий город признаётся оставленным на земле.

Скрепа поднялась из отражения огней. Печати в её груди

казались красной и синей.

— Чьей земле? — спросил Мирон.

— Стороны договора определяют границу.

— Они определяют её по-разному.

— Обе записи действуют до совместного исправления.

По толпе прошёл ропот.

— Значит, оба княжества заберут дом? — спросила Любава.

— Обе стороны имеют записанное требование.

— Это невозможно.

— Невозможность исполнения не отменяет букву.

Вот так Скрепа и говорила: без насмешки, без угрозы. Дух не хотел отнять дом. Он просто не умел выбрать между двумя действующими строками.

Ада подняла красное перо.

— Я записываю дом остающимся на спорной земле до решения сторон.

Мирон мог возразить. Но другого честного ответа у него не было.

— Записывай.

Перо коснулось бумаги.

Третий вечерний сигнал прозвучал над Вележем.

В ту же минуту мост дёрнулся. Люди закричали. У восточного края одна из временных досок стала прозрачной, затем снова налилась деревом.

Крут, стоявший возле навеса, поднял обе руки.

— Я закончил восьмой башмак!

— Исправление завершено, — произнесла Скрепа.

Две добавленные стопы истаяли. Не сломались и не упали — превратились в воду, будто их никогда не тесали. Между мостом и устоем снова было ровно девять саженей.

Крут смотрел на пустоту.

— Но я всё сделал.

— Поэтому вред исправлен, — ответил дух.

— А дорога?

— Дорога не была платой.

Фигура ушла под воду.

Мирон услышал, как люди вокруг начали перечислять незаконченные дела. Кто-то забыл укрепить печь. Кто-то неверно записал мешки. Кто-то недосушил канат. Каждое признание обещало временную длину, а завершение забирало её обратно. Если Вележ построит дорогу из таких ошибок, ему придётся тащить незаконченный вред через весь переход.

Любава подошла к Мирону.

— У тебя есть причина разрыва?

Дара стояла в нескольких шагах. Она молчала, но Мирон чувствовал ключ на своей груди и запертый лист под воротом.

— Восточный подход просел, — сказал он. — Нужно укрепить насыпь. Это вернёт сажень и несколько стоп.

— А остальное?

— Считаю новую линию.

— Старую проверил?

— Она проходит через дом.

Любава посмотрела на тёмный остров.

— Дом теперь не в городской описи.

— Он остаётся имуществом службы.

— И мешает службе.

Мирон сжал дощечку так, что край впился в ладонь.

— К утру дам порядок работ.

— К утру, — повторила Любава. — После этого я открою расчёт перед старшими, с тобой или без тебя.

Она ушла к раме площади.

Дара дождалась, пока люди разойдутся к жаровням.

— Ты назвал одну сажень, — сказала она. — Где семь с лишним?

— В расчёте, который ещё можно изменить.

— Нет. Они в твоём доме.

— До утра.

— До утра я не стану ломать твой ящик. Не заставляй меня жалеть об этом.

Мирон вернулся на остров один. Он открыл железный ящик, вынул лист и положил рядом с новой дощечкой. Старая ось шла прямой чертой. Новые линии извивались вокруг неё и заканчивались перечёркнутыми числами.

В доме он снял со стены полки северной комнаты. За ними были брёвна, потемневшие от времени, но крепкие. На

одном отец вырезал год постройки. На другом сохранились зарубки роста Тиша: восемь лет, десять, двенадцать, пятнадцать.

Мирон приложил ладонь к последней зарубке.

Если разобрать угол, эти брёвна можно сохранить. Перевезти в Ставь как имущество. Весной поставить снова — не здесь, так рядом. Но фундамент был связан с островной кладкой. Начав разбор, он не сможет притвориться, что дом остаётся целым.

Снаружи плеснула вода. На другом берегу люди пели тихую дорожную песню, хотя дорога не доходила до земли.

Мирон взял мел и провёл на стене линию по цепному промеру. Она началась у пола, пересекла полки и поднялась к потолочной балке. Всё севернее черты предстояло снять, чтобы вернуть ворот на старое место.

Семь сажень и четыре стопы были не пустотой над рекой. Они стояли вокруг него стеной.

Глава 4. Дух читает по строке

К утру меловая черта на стене стала белее.

Мирон не спал. Он снял ещё две полки, вынес из северной комнаты сундук и сложил инструменты у двери. Со стороны могло показаться, что дом уже готовят к разбору. На деле ни одного бревна он не тронул. Чтобы исправление началось, мало освободить стену. Нужно было назвать ошибку вслух, указать вред и сделать первый необратимый шаг. Мирон пока совершал только действия, которые можно отменить до завтрака.

На столе лежали три расчёта. Первый возвращал мост на старую ось и резал дом по меловой линии. Второй уводил канат севернее, через глубокий рукав, где требовались четыре новые сваи. Третий предлагал оставить ворот на месте, но развернуть две сборные секции веером. На бумаге третий путь почти сходился. Почти — самое опасное слово в мостовом деле.

Снаружи ударил утренний колокол.

На этот раз он звал не смену, а старших.

Мирон сунул старую схему под куртку. Железный ящик он оставил открытым: Дара всё равно знала, что искать. У порога задержался и посмотрел на комнату. Без полок она казалась шире. Меловая линия делила её на две неравные части. В меньшей стояла кровать отца, которой давно никто не

пользовался. Если пилить по расчёту, изголовье уйдёт вместе со стеной.

На островном дворе ждали Дара и Ада. Дара держала промерную цепь, Ада — закрытую опись в кожаном чехле.

— Любава собрала старших у западного ворота, — сказала Ада. — Керн Вода тоже пришёл.

— Его никто не звал.

— Он считает, что всё по эту сторону середины реки касается Стави.

— Вчера он стоял на другой стороне.

— Поэтому сегодня пришёл раньше.

Дара посмотрела на открытую дверь дома.

— Стену освободил.

— Для промера.

— Полки мешали промеру ночью?

— Мешали видеть брёвна.

— А брёвна мешают видеть ошибку?

Мирон запер дверь.

— Ошибку я вижу.

— Тогда осталось показать её людям.

Они пошли по западной части моста. Вода под настилом была чёрной и гладкой. За ночь мороз прихватил лужи тонкой кожицей, но середина Вежи ещё несла жёлтые листья. До настоящего ледостава оставалось несколько дней, если ветер не повернёт с севера.

Вележ просыпался в разобранном виде. Там, где раньше

тянулись улицы, теперь стояли отдельные дома на рамах. Между ними пролегали канатные проходы. Жители учились ходить не к соседней двери, а по меткам грузчиков. Кашу варили на общих жаровнях. Воду носили из бочек, потому что колодезные кольца уже вынули из земли и поставили на телеги.

У западного ворота соорудили помост из запасных щитов. На нём стояли Любава Грань, трое квартальных старших, мастер Крут и два писца. Керн Вода устроился сбоку в сухом синем плаще. За ним ждали шесть ставьских стражников и управляющий восточными складами.

— Вот и смотритель, — сказал Керн. — Теперь можно узнать, почему целый город ночевал перед пустотой.

— Город ночевал на своём берегу, — ответила Любава. — А вы ночевали в чужом разговоре.

Керн улыбнулся.

— Восточный устой принадлежит Стави. Если разговор не достиг нашего берега, это как раз моя забота.

Любава не стала спорить. Она указала Мирону на разложенные дощечки.

— Ты обещал порядок работ.

— Сначала набить восточный подход камнем. Это вернёт сажень и две стопы, возможно больше после трамбовки. Одновременно переставить островной ворот на семь ладоней к западу. Затем развернуть вторую и третью секции по новой линии.

Дара резко повернулась к нему.

— Семь ладоней не вернут старую ось.

— Вернут часть угла.

— А остальную часть ты хочешь раскидать по секциям.

— Секции допускают поправку.

— По ладони на сто шагов, а не по сажени на пролёт.

Мирон разложил дощечки по порядку.

— Если северный канат взять короче, нагрузка уйдёт на среднее ребро.

— Которое собрано под прямую тягу, — сказала Дара. — Его выгнет.

— Подложим поперечный брус.

— Под подвижным кварталом?

— До первого тяжёлого дома пройдёт площадь и две ремесленные рамы. Мы увидим осадку.

— Проверять неверный угол площадью — это не испытание. Это погребение с музыкой.

Квартальные заговорили разом. Любава подняла ладонь.

— Мирон, этот порядок безопасен?

Он посмотрел на третий расчёт. За ночь число не изменилось.

— При постоянном наблюдении — да.

— Это не ответ, — сказала Дара.

— Тогда ответ ты.

Она вытащила из-за пояса свою дощечку и положила рядом.

— Старая ось безопасна. Восточный подход набиваем камнем. Островной ворот возвращаем на прежнее место. Северный угол дома снимаем. Получаем прямую тягу и заводим мост на устой.

Керн наклонился над схемой.

— Чей дом?

Никто ему не ответил.

— Мой, — сказал Мирон.

— Тот самый, который опись оставила на спорной земле?

— Тот самый.

— Прекрасно. Ставь готова предоставить рабочих для разбора.

— Ставь не получала права на стены.

— Но стены мешают дороге на нашу землю.

— Дорога не ваша.

— Восточная половина — наша.

— По вашей записи, — напомнила Ада. — По ровеньской записи граница проходит у ставьского устоя.

Керн пожал плечами.

— Пусть дух прочтёт.

Он произнёс это легко, будто позвал писца проверить счёт. Люди у помоста умолкли. За одну ночь Вележ успел понять: Скрепа не судит между строками. Она делает каждую из них действующей.

Любава повернулась к реке.

— Скрепа! Сторонам нужно толкование договора.

Вода не ответила.

— Она приходит не на имя, — сказала Ада. — Нужна строка.

Керн вынул свиток с двумя печатями. Управляющий восточными складами держал его над плечом, чтобы край не коснулся сырого настила.

— «Земля до середины Вежи принадлежит Ровени, от середины — Стави», — прочёл Керн. — «Мост над водою принадлежит берегу, к которому ведёт».

Из глубины поднялся красный отблеск. Он прошёл под настилом, словно по дну протасили раскалённую цепь. Между сваями возникло лицо без глаз. Потом вода стекла с плеч Скрепы, а внутри прозрачного тела проступили строки.

— Названа запись о земле и мосте, — произнесла она.

Керн указал на остров.

— Кому принадлежит дом?

— Дом не внесён в уходящий город. Земля под домом заявлена обеими сторонами по несовпадающим чертежам.

— Какая запись старше?

— Ровеньская черта закреплена в год основания. Ставьская черта закреплена после восточного паводка.

— Старшая отменяет младшую?

— В договоре нет такой строки.

— Тогда младшая уточняет старшую.

— В договоре нет такой строки.

Керн перестал улыбаться.

— Ты обязана исполнить обе?

— Да.

— Как одно место может принадлежать двум княжествам?

— Невозможность исполнения не отменяет букву.

Мирон слышал этот ответ вчера, но сейчас он прозвучал для всех. Один из квартальных тихо выругался. Писец рядом с Любовой торопливо записал каждое слово.

Любава сделала шаг к краю помоста.

— Скрепа, город признаёт, что допустил ошибки в содержании моста. Город обязуется исправить их и просит дать недостающую длину на время работ.

На воде ничего не изменилось.

— Признание не содержит исполнителя, действия, вреда и исправления, — сказала Скрепа.

— Исполнитель — город Вележ.

— Город обозначен в договоре как движимое имущество и внесённые жители. Имущество не совершает действий. Перечислите людей.

Любава оглянулась на толпу.

— Все мы пользовались мостом и не проверяли его как следует.

— «Все» не является перечнем.

— Я, Любава Грань, как старшая принимаю ответственность от имени города.

— Ответственность за какое действие?

— За то, что мост оказался короток.

— Короткий мост является вредом. Назовите действие. Любава посмотрела на Мирона.

Он мог закончить фразу. Достаточно было сказать: пятнадцать лет назад я велел перенести островную опору и не вернул её, затем ежегодно подписывал сборку по неверной оси; исправление — разобрать северную часть дома и восстановить прямую линию. Семь саженей и четыре стопы могли появиться над водой ещё до полудня.

Но тогда временный пролёт существовал бы, только пока он разбирал дом и опору. Мирон ещё не знал, как провести по нему город, не удерживая исправление незаконченным. Он видел, что случилось с досками Крута. Исправить дом слишком рано — значит потерять длину в тот миг, когда работа завершится. Тянуть разбор до конца перехода — значит превратить собственную вину в подпорку и нарочно оставить вред незавершённым.

— Восточный берег просел, — сказал он. — Вода вынесла насыпь за устоем.

Скрепа повернула к нему пустое лицо.

— Назван вред. Назовите действие человека.

— Мы поздно проверили глубину.

— Перечислите тех, кто обязан был проверить, срок проверки и пропуск.

Дара скрестила руки на груди.

— Водомерная смена проверяла глубину после каждого

летнего паводка, — сказала она. — В этом году проверила вовремя. Насыпь просела после последнего дождя.

— Значит, ошибки нет? — спросила Любава.

— В просадке — нет. Есть работа.

— Работа без ошибки не даёт длины, — сказал Крут.

— И слава воде, — ответила Дара. — Иначе мы начнём портить мост, чтобы было чем его наращивать.

Керн постучал перчаткой по свитку.

— Ставь признаёт, что не укрепила свой подход после дождя.

Скрепа повернулась к нему.

— Кто в Стави обязан укреплять подход?

Керн указал на управляющего складами.

— Восточное дорожное ведомство.

— Перечислите ответственных людей.

Управляющий отступил на полшага.

— Начальник ведомства в столице.

— Назовите имя.

— Я не уполномочен признавать его ошибки.

— Тогда признание не принято.

— Я могу принять обязанность на себя, — сказал Керн.

— Я распоряжусь выдать камень.

— Выдача камня является исправлением. Назовите ваше ошибочное действие.

— Я ещё не выдал камень.

— Срок выдачи наступил?

Керн помедлил.

— Запроса не было.

— Значит, пропуска действия нет.

По толпе прокатился смех. Он был коротким и недобрый. Керн свернул свиток так резко, что печати стукнулись друг о друга.

— Очень удобный дух, — сказал он.

— Удобство не записано условием исполнения, — ответила Скрепа.

На этот раз засмеялись громче. Даже Ада опустила лицо, скрывая улыбку. Мирон не смеялся. Он следил за строками внутри духа. При каждом вопросе одна из них вспыхивала и гасла. Скрепа не искала правду так, как искал её человек. Она шла по записи: кто, что сделал, какой причинил вред, что обязан изменить. Пропускала пустую клетку и останавливалась.

— Если виновный умер? — спросил Мирон.

Шум стих.

— Признание произносит совершивший действие, — сказала Скрепа.

— Если последствия остались, а человека нет?

— Живой может назвать собственное действие, продолжающее вред.

— Пользование результатом считается действием?

— Если пользующийся знает о вреде и может прекратить или исправить его.

Мирон почувствовал взгляд Дары.

— А если он узнал только вчера?

— Тогда вчера началось знание.

— Сколько времени даётся на решение?

— Срок определяется возможностью начать исправление.

— Кто определяет возможность?

— Действие.

— Это не ответ.

— Начавший показывает возможность началом. Не начавший может назвать препятствие. Ложное препятствие не создаёт длины.

Дара тихо сказала:

— Стена уже освобождена.

Мирон повернулся к ней.

— Для промера.

— Полки сняты. Сундук вынесен. Пила у двери.

Скрепа ждала. Внутри её груди дрожала незавершённая строка.

Любава сошла с помоста и остановилась перед Мироном.

— О какой стене речь?

— Старая ось проходит через северный угол дома, — сказал он.

— Это мы знаем. Почему там уже пила?

— Потому что я проверяю порядок разбора.

— Ты сказал, что предлагаешь другую линию.

— Я проверяю оба решения.

— Покажи старый расчёт.

Мирон не двинулся.

— Сейчас, — сказала Любава.

Он вынул сложенный лист из-под куртки. Ветер попытался развернуть его. Любава прижала угол ладонью, Дара — другой. Подошла Ада. Керн вытянул шею, но Мирон заслонил ему обзор.

— Собственная запись зрителя? — спросила Любава.

— Моя и отца.

— «Перенести ось временно, до укрепления дома», — прочла Ада.

— Дом укрепили? — спросила Любава.

— Да.

— Ось вернули?

— Нет.

— Кто должен был вернуть?

— Мостовая служба.

Дара ударила кулаком по помосту.

— Не служба подписала лист.

Мирон встретил её взгляд.

— Тогда я. Я должен был вернуть.

Вода под мостом потемнела. Из неё поднялись концы двух досок, прозрачных, как тонкий лёд. Толпа ахнула. Доски росли медленно, вытягиваясь к востоку.

— Назван исполнитель и пропущенное действие, — произнесла Скрепа. — Назовите вред.

Мирон смотрел на возникающий настил. Ему оставалось назвать семь сажений и четыре стопы. Дух уже держал первые слова. Ещё одно предложение могло связать его с исправлением.

— Вред устанавливается, — сказал он.

Прозрачные доски остановились. Их края не достигали даже длины человеческой ступни.

— Признание не завершено, — сказала Скрепа.

— Мы промерили линию, но не испытали все секции.

— Назовите установленную часть вреда.

— Я не стану делить один расчёт на удобные куски.

— Тогда длина не создаётся.

Доски обратились водой.

Несколько мгновений никто не говорил. Мирон слышал, как на берегу скрипят рамы Вележа. Ветер трогал канаты, и те отвечали низким гулом.

— Ты знал, — сказала Любава. — Вчера вечером ты уже знал.

— Я знал величину смещения. Не знал, выдержит ли мост поправку без полного возврата оси.

— Поэтому скрыл лист.

— Поэтому промерил дно.

— И после промера снова скрыл.

— Записал находку и приказ в сменной книге.

— Книгу держишь ты.

— Дара видела запись.

— Дара не старшая города.

— Зато понимает мост.

— А я понимаю, когда один человек решает за всех, какой риск им принять.

Любава говорила тихо, но люди у помоста слышали каждое слово. Мирон хотел ответить, что старшие голосуют медленно, княжества торгуются, а дерево ломается сразу. Это было бы правдой. И всё же вчера между находкой и третьим сигналом был час. Он потратил его на измерения, а после измерений выбрал молчание.

— Я дам полный расчёт сегодня, — сказал он.

— Ты дашь его сейчас.

— Полный требует проверки третьей секции.

— Сколько времени?

— До полудня.

— И до полудня ни один городской груз не выходит на мост.

— Мы потеряем половину дня.

— Мы уже потеряли ночь. Теперь потеряем время, а не людей.

Мирон кивнул.

— Хорошо.

— Старую схему оставь Аде.

— Это рабочий документ.

— Именно поэтому он будет у городского писца, а не под твоей курткой.

Ада протянула руку. Мирон отдал лист. Пальцы разжались не сразу.

Керн снова приблизился.

— Раз уж город признал неисправность своего моста, Ставь должна закрыть восточный устой до проверки.

— Город ничего не признал полностью, — сказала Ада. — Вы сами это слышали.

— Тем хуже. Незавершённое признание означает неизвестную опасность.

— Опасность известна, — ответил Мирон. — На устой пока ничего не ступит.

— А рабочие?

— Рабочие нужны для насыпи.

Керн посмотрел на управляющего. Тот покачал головой.

— Каменный склад откроется после уплаты дорожного сбора, — сказал Керн.

— Сбора за дорогу, которой нет? — спросила Любава.

— За пользование ставьским материалом и берегом.

— Назови цену.

— По одной серебряной доле с каждой движимой рамы, внесённой в опись.

Толпа загудела. Это была не помощь, а пошлина со всего города, заявленная в тот миг, когда он не мог отступить.

— Камня нужно двадцать телег, — сказал Мирон. — Мы заплатим за камень по складской цене.

— Переходный сбор установлен договором.

— Когда рама пересечёт границу.

— Восточный подход лежит в Стави.

— По вашей младшей записи. По старшей он в Ровени.

Керн бросил взгляд на Скрепу.

— Пусть исполнит обе, да?

— Пока стороны не исправят строки, — сказала Ада.

— Тогда ровеньский камень можно везти к спорному подходу без вашего склада, — добавила Любава. — Дорога вдоль воды длиннее на три часа. Начинайте.

Она указала двум квартальным на западный берег. Те прыгнули с помоста и начали звать возчиков.

Керн побледнел.

— Вы не успеете до дождя.

— Значит, откройте склад по честной цене.

— Я не могу менять княжеский сбор.

— Тогда не мешайте людям исправлять то, что вы только что назвали общей опасностью.

Керн отошёл к своим стражникам. Мирон знал: он вернётся с новой строкой договора или приказом из Стави. Но несколько часов они выиграли.

Скрепа всё ещё стояла в воде.

Мастер Крут приблизился к краю.

— У меня вопрос, — сказал он. — Я исправил восемь башмаков. Вред закончился, доски исчезли. Значит, признание не помогает перейти. Зачем договор даёт длину, если отбирает её за честную работу?

— Длина существует, пока исправление требует пути, — ответила Скрепа.

— Моё исправление требовало мастерской, не пути.

— Вы назвали проверку рам перехода. Временная длина позволяла достичь тех, что стояли дальше.

— Но мы не пустили их на мост.

— Это решение людей.

— Если бы пустили, после последнего башмака они упали бы в воду.

— Завершивший исправление обязан заранее вывести груз с временной длины.

Крут почесал щёку.

— То есть доска нужна, чтобы дойти до работы, а не чтобы построить городскую дорогу.

— Да.

Мирон поднял голову.

Вчера они смотрели на каждую ошибку как на запас дерева. Но Скрепа не давала им готовый мост. Она давала доступ к месту исправления. Временный пролёт был не наградой и не платой, а инструментом точного назначения. Поэтому он рос только настолько, насколько требовало действие Крута. Поэтому общее признание города не создало ничего: у него не было места, куда нужно дойти ради работы.

— Если исправление создаёт обычную опору, — спросил Мирон, — временная длина исчезнет после завершения, но опора останется?

— Сделанное руками остаётся сделанным.

— И может принять следующий пролёт?

— Если выдержит его вес.

— Если несколько исправлений заканчиваются постоянными опорами, можно идти дальше не по временной длине, а по сделанному.

— Договор не запрещает строить мост.

Ответ был таким простым, что люди снова заговорили. Дара первой поняла, куда ведёт мысль.

— Не искать признания на девять сажений, — сказала она.

— Искать работы, после которых остаётся камень, своя или связка.

— Не искать, — поправил Крут. — Брать только то, что и так обязаны исправить.

— Иначе начнут портить нарочно, — сказал Мирон.

Любава посмотрела на него долгим взглядом.

— Вот это уже похоже на порядок работ. Но твоих семи сажений он не отменяет.

— Не отменяет.

— К полудню я хочу точный расчёт и три решения: вернуть старую ось, обойти дом или признать, что обход невозможен. Без слов «почти» и «при наблюдении».

— Получишь.

— А до тех пор Дара руководит мостовыми сменами. Ты считаешь и ничего не двигаешь без её подписи.

Это ещё не было отстранением. Но впервые за двадцать

лет приказ Мирона должен был подтверждать другой мастер.

— Принято, — сказал он.

Скрепа начала опускаться.

— Подожди, — позвала Ада. — Вчера опись закрылась. Если человек изменит решение сегодня, можно ли исправить строку?

Дух остановился по грудь в воде.

— Закрытая опись изменяется признанием ошибки писца или новым соглашением сторон.

— А если ошибки нет? Человек просто решил иначе.

— Тогда запись верна времени закрытия.

— Но утром она уже неверна человеку.

— Договор учитывает время закрытия.

— Значит, тот, кто вчера собирался уйти, сегодня не может остаться?

— Может действовать вопреки описи. Договор назовёт имущество брошенным, а обязательство перед городом — невыполненным.

Ада прижала чехол к боку.

— Даже если город ещё не перешёл?

— Переход начался с первого движения.

— А если я открою список снова?

— Вы нарушите срок закрытия.

— Это будет моя ошибка?

— Если действие причинит названный вред.

— А если исправит чужое решение?

— Одно действие может исправлять одно и причинять другое.

Скрепа ушла под воду. Красный отблеск задержался между сваями и погас.

Ада смотрела на закрытый чехол так, словно он стал тяжелее.

— Не открывай, — сказал Мирон.

— Я не спрашивала совета.

— Ты слышала условие. Откроешь — дух даст длину, пока будешь исправлять собственное нарушение. Люди решат, что нашли ещё один способ растянуть мост.

— Я слышала другое. Договор считает живого человека верным только вчерашней строке.

— До нового чтения мы должны провести тех, кто уже записан.

Ада нахмурилась.

— До какого чтения?

Мирон устало провёл ладонью по лицу.

— До весеннего, — сказал Мирон и устало провёл ладонью по лицу. — Или до соглашения сторон. Я не спал.

Она ещё секунду смотрела на него, затем передала старую схему писцу.

— Сделай две копии. Одну Любаве, одну Даре. Подлинник будет у меня.

Писец кивнул.

Помост опустел. Квартальные отправились за камнем.

Крут повёл мастеров осматривать рамы — не ради признаний, а ради работ, которые всё равно следовало закончить. Керн со стражниками ушёл к восточному складу. Любава задержалась рядом с Мироном.

— Ты мог получить длину, — сказала она.

— Временную.

— Люди увидели доски.

— И решили бы, что по ним можно вести дома. Нельзя.

— Тогда нужно было объяснить.

— Теперь объяснил.

— После того как Дара заставила тебя показать лист.

Мирон не ответил.

— Я оставила тебя считать не потому, что доверяю, — продолжила Любава. — А потому, что никто другой не успеет проверить тридцать секций до ледостава. Не путай необходимость с прощением.

— Не путаю.

— К полудню.

Она ушла.

Дара собрала дощечки Мирона и разделила их на две стопки. Третий расчёт, с веерным разворотом, положила отдельно.

— Его проверим первым, — сказала она.

— Ты считаешь его опасным.

— Поэтому первым. Если он неверен, перестанешь прятаться за него к полудню.

Они спустились к третьей секции. Дара распорядилась снять с неё груз и натянуть мерные струны. Мирон встал у южного ребра, она — у северного. Между ними ученики закрепили поперечный брус, который Мирон предлагал положить под площадь.

— Дай поправку на семь ладоней, — приказала Дара.

Ворот провернули. Канат натянулся, секция медленно повернулась. Сначала всё шло по расчёту. Южный край лёг на метку. Среднее ребро приняло вес. Мирон уже хотел сказать, что решение годится хотя бы для лёгких рам, когда мерная струна лопнула.

Поперечный брус выгнулся вверх.

Не сильно — на толщину пальца. Под площадью этого хватило бы, чтобы выдавить настил и опрокинуть край рамы.

Дара ослабила ворот.

— Почти, — сказала она.

Мирон смотрел на выгнутый брус.

— Почти.

Он взял уголь и перечеркнул третий расчёт.

Осталось два. Северный обход требовал свай, которых не было, и времени, которого было ещё меньше. Старая ось требовала стены.

Мирон поднял глаза на остров. Издали дом казался небольшим, почти случайным рядом с огромными рамами Вележа. Но мостовая линия упиралась в него так же точно, как слово Скрепы упиралось в пустое место признания.

Дух читал по строке.

Вода — по прямой.

И обе отказывались обходить то, что Мирон поставил между началом и концом.

Глава 5. Первый лишний пролёт

К полудню первый воз с ровеньским камнем застрял между пекарней и банной рамой.

В прежнем Вележе там была прямая улица. После подъёма домов остался проход в полтора колеса, заставленный сундуками, бочками и связками печных труб. Возчик орал на хозяев бани, хозяева — на пекарей, лошади пятились от висящего каната. На возу лежало столько камня, что задняя ось прогнулась почти до земли.

Мирон увидел телегу с мостовой секции. Он как раз закончил второй расчёт северного обхода и получил то же, что утром: четыре сваи в глубокой воде, два дня работы при спокойном ветре и ни одного дня в запасе. Дара перечеркнула итог своим углём и велела отнести дощечку Любаве как доказательство невозможности.

— Чей воз? — спросила она, глядя на затор.

— Роха Кривца, — ответил ученик. — Он подрядился первым привезти камень.

— Первый не значит весь склад разом.

Дара свистнула смене. Мирон пошёл за ней.

У телеги Рох Кривец доказывал, что ось выдержит. Он был жилистым мужчиной с красными веками и привычкой держать голову набок, будто каждый собеседник говорил из колодца.

— Тридцать два камня, — сказал он. — На ярмарку я возил сорок.

— По земле, — ответила Дара. — И не между поднятыми домами.

— Вы сами потребовали скорее.

— Скорее — это два воза по шестнадцать.

— За второй никто не платит.

Рох увидел Мирона и повернулся к нему.

— Смотритель, скажи. Подход просел или нет? Камень нужен или нет?

— Нужен. Но до моста ты так не доедешь.

— Доеду, если банщики уберут корыта.

Хозяин бани поднял коромысло.

— Корыта стоят на нашей синей черте! А ты занял колесом проход пожарной бочки.

Мирон протиснулся к задней оси. Железная шина была горячее, хотя телега прошла меньше половины улицы. На ступице выступила тёмная полоса масла.

— Разгружай половину, — сказал он.

— Куда?

— На пустое основание колодца. Потом вернёшься.

— И кто заплатит за второй ход?

— Мостовая служба.

— У неё денег нет.

— Запишем долг.

Рох рассмеялся.

— Долг города едет хуже пустой телеги.

Дара стукнула молотком по ступице. Звук вышел глухим.

— Ещё сто шагов — и у тебя лопнет ось. Тогда не получишь ничего.

Возчик посмотрел на камень, на узкий проход, потом на людей, собравшихся вокруг. После утреннего разговора со Скрепой Вележ прислушивался к каждой названной ошибке. Мирон видел это по лицам. Люди ждали, не возникнет ли под телегой чудесная доска.

Рох тоже понял, чего они хотят.

— Ладно, — сказал он громче. — Я перегрузил телегу, потому что хотел получить плату за один ход. Из-за меня ось сейчас сломается и камень не дойдёт до подхода. Исправлю: сниму шестнадцать камней, отвезу остальные и вернусь за второй половиной.

В бочке у пекарни плеснула вода.

Скрепа не появилась целиком. По мостовой между колёсами пробежала тонкая мокрая строка. Она свернула к телеге, обогнула лошадей и потянулась в сторону реки.

— Признаны исполнитель, действие, вред и исправление, — произнёс голос из воды.

У восточного края моста что-то ударило о сваи.

Мирон обернулся. Из реки поднимался узкий настил — не две прозрачные стопы, как у Крута, а целый пролёт шириной в одно колесо. Доски росли одна за другой, пока не легли над разрывом. До ставьского устоя они не дошли, но

закрыли почти треть пустоты.

Толпа бросилась к воде.

— Стоять! — крикнула Дара.

Люди остановились не сразу. Двое мальчишек уже выбежали на основную секцию. Мирон схватил одного за ворот, второй сам отпрянул, увидев воду между прозрачными досками.

— Почему столько? — спросила Дара у мокрой строки.

— Исправление требует второго пути для снятого веса, — ответила Скрепа. — Длина соответствует шестнадцати камням и возвращению возчика.

— Но Рох разгружает здесь, на западном берегу.

— Камень предназначен восточному подходу.

Рох широко улыбнулся.

— Видали? Даже договор знает, что мой камень нужен.

— Договор знает, что ты пожадничал, — сказал хозяин бани.

— А мост всё равно вырос.

Эта фраза прошла по толпе быстрее воды. Мирон услышал её несколько раз: мост вырос. Не «Рох получил путь для исправления», не «появилась временная длина». Для людей над рекой возник первый лишний пролёт, и он выглядел прочнее всех утренних объяснений.

— Разгружай, — приказала Дара.

Рох подозвал помощников. Камни снимали по одному и складывали у колодезного основания. После четвёртого зад-

няя часть телеги поднялась. После восьмого ось перестала скрипеть. Временный пролёт оставался на месте.

Мирон пошёл к реке и лёг на настил, чтобы рассмотреть новые доски снизу. Волокна в них двигались, как течение. Гвоздей не было. Каждая доска соединялась с соседней красными письменами, уходящими в воду.

— Не наступай, — сказала Дара.

— Я и не наступаю.

— Ты уже думаешь, какой груз поставить сверху.

— Думаю, что он выдержит.

— Крут тоже так думал.

— Этот длиннее. Значит, назначение шире.

— Назначение — шестнадцать камней.

Мирон постучал по краю рукоятью ножа. Доска ответила чистым деревянным звуком.

— Если перевезти по нему эти камни, они окажутся ближе к подходу.

— А когда Рох закончит второй ход?

— Настил исчезнет.

— Вместе с теми, кто не успеет сойти.

— Значит, успеют.

Дара присела рядом.

— Ты утром сам объяснял, что временная длина — не городская дорога.

— Не городская. Рабочая.

— Для Роха.

— Камень предназначен мосту.

— Спроси дух, прежде чем назначать ему свои правила.

Мирон поднялся.

— Скрепа, может ли мостовая смена использовать временный пролёт для доставки названного камня?

Красные письма вспыхнули.

— Может, если действие служит названному исправлению.

— Могут ли по нему пройти люди?

— Могут, если несут камень или обеспечивают его доставку.

— Может ли пройти пустая телега за второй половиной?

— Телега Роха Кривца может вернуться за снятым весом.

Дара нахмурилась.

— А другая телега?

— Другая не названа исправлением.

— Вот тебе и шире, — сказала она Мирону.

Но рабочий путь всё-таки был. До ставьского устоя не хватало ещё шести с лишним сажений, однако настил позволял вынести камень над самой глубокой частью и начать ставить клетку под будущую постоянную опору. Если клетка поднимется со дна, временные доски станут не нужны.

Мирон позвал Крута.

— Собери лёгкие носилки. По четыре камня на пару. Дара проверит людей и канаты. Начнём клетку с западного конца пролёта.

— Я ещё не подписала, — сказала Дара.

— Подпишешь?

Она посмотрела на воду, потом на сложенные камни.

— Если каждый, кто выходит, будет привязан к постоянной секции. Если на временном настиле одновременно не больше двух пар. И если Рох не прекращает разгрузку без команды.

— Слышал? — спросил Мирон.

Возчик поднял очередной камень.

— Я не глухой.

Работа началась через четверть часа. Крут связал носилки из двух жердей. Дара лично проверила узлы на поясах. Первые четверо рабочих ступили на прозрачные доски. Те чуть прогнулись, но удержали людей и камень.

Толпа на берегу затихла.

Рабочие дошли до конца пролёта, опустили камни в сетку и вернулись. Вторая пара понесла следующую кладь. Под водой росла квадратная клетка: камень ложился в плетёное основание, тяжестью прижимал его ко дну. Позже между стенками предстояло забить щебень и поставить деревянный верх.

После двенадцатого камня Мирон увидел путь дальше. Не весь мост — всего один следующий шаг. Если Рох завершит первый рейс, вернётся за снятой половиной и доставит её, временная длина исчезнет. Но к тому времени клетка поднимется над водой. На неё можно положить обычные балки

и получить несколько постоянных стоп.

— Быстрее, — сказал он.

— Ровнее, — поправила Дара.

Рох снял четырнадцатый камень. Потом пятнадцатый.

За последним пришлось лезть на середину воза. Камень зажало между двумя глыбами. Рох подсунул лом, навалился, но тот не двинулся.

— Помоги, — бросил он помощнику.

Тот взобрался на колесо. Вдвоём они раскачали глыбу. Она поднялась на ребро, и под ней показалась трещина в днище.

— Стой, — сказал помощник. — Доска лопнула.

— После разгрузки заменю.

— Камень продавит её сейчас.

Рох спрыгнул и заглянул снизу. Трещина шла от края к оси.

— Подложим клин.

— Сначаланими соседний.

— Тогда будет семнадцать.

— Один лишний не убьёт.

— Я называл шестнадцать.

Рох оглянулся на реку. Временный пролёт держал вторую пару рабочих. Ещё двое ждали у начала с носилками.

— Тащи клин, — приказал он.

Помощник побежал к мастерским.

Разгрузка остановилась.

Красные письма между досками потускнели.

Мирон заметил это первым.

— Всех назад! — крикнул он.

Рабочие на дальнем конце обернулись. Они только что опустили камни и стояли с пустыми носилками. До постоянной секции было шагов двадцать.

Крайняя доска стала прозрачнее воды.

— Бегом! — заорала Дара.

Первая пара сорвалась с места. Их страховочные верёвки волочились по настилу. Вторая пара, ещё несшая камень, попыталась развернуться. Носилки ударили одного рабочего по колену. Он упал.

Доска под ним исчезла с края на ширину ладони.

Мирон схватил страховочную верёвку и намотал на воротный столб.

— Бросай камень!

— Клетка!

— Бросай!

Рабочие опрокинули носилки. Камень пробил прозрачный край и ушёл в воду. Освободившийся человек поднял товарища. Они побежали, но настил таял быстрее. Красные строки распадались на отдельные буквы и стекали между досками.

— Рох! — крикнула Дара. — Продолжай разгрузку!

Возчик стоял у телеги, прижав ладонь к треснувшему днищу.

— Нельзя! Она развалится!

— Сними соседний камень на землю!

— Тогда исправление будет не тем!

— Оно уже не идёт!

Мирон рванул верёвку. Упавший рабочий проскользил по мокрым доскам. Его напарник цеплялся сапогами за исчезающие щели. Первая пара достигла постоянной секции. Дара и Крут втянули их за канаты.

До второго страховочного узла оставалось пять шагов, когда под ногами рабочих не стало досок.

Они упали.

Верёвки натянулись. Один ударился плечом о край секции, второй повис ниже, по пояс в воде. Течение развернуло его лицом вниз.

Мирон и Дара потянули вместе. К ним бросились ещё трое. Мокрый канат резал ладони. Сначала поднимали верхнего, затем человека из воды. Он кашлял и не мог встать, но был жив.

Временный пролёт исчез полностью.

На поверхности плавали только отдельные красные буквы. Они гасли одна за другой.

Дара подошла к Роху. Лицо у неё стало белым.

— Почему остановился?

Он показал трещину.

— Телега могла развалиться.

— А люди не могли?

— Я не знал, что доски уйдут сразу.

— Вчера весь город видел, как они уходят.

— Крут закончил работу. Я не закончил.

Мокрая строка снова проступила у колеса.

— Названное исправление прекращено, — произнесла

Скрепа.

Рох повернулся к ней.

— Я не отказался. Я чиню телегу.

— Починка телеги не названа исправлением перегруза.

— Без неё я не могу снять камень.

— Вы можете снять соседний камень на землю.

— Тогда я разгружу семнадцать, а обещал шестнадцать.

— Названное число было необходимым минимумом, не запретом.

Рох открыл рот и закрыл.

Дара выхватила лом, забралась на колесо и столкнула соседнюю глыбу. Та рухнула на землю, расколола пустое корыто банщиков и остановилась у жаровни. Люди успели отско-
чить.

— Теперь можешь снять зажатый, — сказала она.

Рох молча взялся за лом.

Когда шестнадцатый камень лёг на основание колодца, временный пролёт вырос снова. На этот раз он был короче на несколько стоп.

— Почему? — спросил Мирон.

— Один камень уже находится в воде ближе к месту ис-

правления, — ответила Скрепа.

Тот самый, который рабочие сбросили с носилок.

Дух считал не слова и не намерения. Он считал вес, расстояние и незавершённое действие.

— Больше никто не выходит, — сказала Дара.

— Клетка недостроена, — возразил Мирон.

— Мы только что вытащили двоих.

— Теперь знаем, что остановка опасна.

— Мы знали это до выхода.

— Знали, что пролёт исчезнет после исправления. Не знали, что Скрепа считает паузу прекращением.

— Теперь знаем. Поэтому не пойдём.

Мирон посмотрел на клетку. Её верх едва виднелся под водой. Ещё четыре камня подняли бы угол достаточно для балки. Четыре камня — два прохода.

— Рох продолжает работу, — сказал он. — Он сейчас повезёт первую половину к мосту.

— На треснувшей телеге?

— Переложим на другую.

— Тогда это уже не названное исправление.

Мирон обратился к мокрой строке:

— Может ли Рох использовать другую телегу?

— Он назвал снятие веса, доставку оставшегося и возвращение за второй половиной. Телега не является условием.

— Может ли он передать груз другому возчику?

— Он назвал собственное возвращение.

— Значит, сам поведёт другую.

Дара схватила его за рукав.

— Ты опять ищешь край строки.

— Я ищу безопасный способ закончить то, что уже начато.

— Безопасный для кого? Для людей на воде или для твоего расчёта?

Мирон посмотрел на спасённого рабочего. Тот сидел у жаровни, завернувшись в чужую куртку. Плечо уже распухало. Второй стоял рядом и дрожал, хотя одежда на нём была сухой.

— Для людей, — сказал Мирон.

— Тогда постоянную клетку строим с лодок. Медленнее, зато доска не исчезнет из-под ног.

— Лодки снесёт течением.

— Поставим два каната.

— Потеряем до вечера.

— Потеряем день. Не людей.

Это были слова Любавы. Дара произнесла их без торжества.

Мирон кивнул.

— С лодок.

Дара приказала убрать носилки. Временный пролёт остался пустым. Люди на берегу разошлись неохотно, всё ещё оглядываясь на него. Чудо оказалось слишком опасным, чтобы служить дорогой, но слишком зримым, чтобы перестать манить.

Рох с помощником переложили оставшиеся шестнадцать камней на исправную телегу. Теперь груз выглядел почти лёгким. Возчик сам повёл лошадей через проход, освободившийся после того, как банщики убрали разбитое корыто.

У начала моста он остановился.

— Мне по временному настилу нельзя? — спросил он.

— С телегой нельзя в любом случае, — сказала Дара. — Он шириной в одно колесо.

— Тогда зачем он такой длины?

— Чтобы ты мог донести камень туда, где исправляешь вред.

— Но вы запретили нести.

— Мы выбрали лодки.

Рох посмотрел на Скрепу, словно ждал, что дух отменит человеческое решение.

— Исправление продолжается доставкой камня к месту работ, — сказала она.

Телега двинулась по постоянной секции до самого края. Там камни перегрузили в две лодки. Рох сел в первую, взялся за весло и вместе с мостовиками повёл груз к клетке.

Временный пролёт тянулся рядом, пустой и ровный. Он мог бы сократить работу. Он мог бы снова исчезнуть.

С лодок камень укладывали дольше. Течение било в борта, канаты звенели. Один раз лодку развернуло, и пришлось начинать подход заново. Но к вечеру верх клетки показался над водой.

Крут положил на неё первую обычную балку. Она не свети­лась, не была прозрачной и пахла свежей смолой. Мирон наступил на неё обеими ногами. Балка выдержала.

— Четыре стопы, — сказал Крут.

Всего четыре постоянные стопы вместо целого временно­го пролёта. Но эти четыре не зависели от чужого обещания.

Рох отвёз вторую половину камня. Когда последний кусок лёг в клетку, красные доски начали светлеть.

— Все с временной длины! — крикнула Дара, хотя там никого не было.

Настил исчез спокойно. Под ним осталась новая балка на каменной клетке.

Разрыв снова равнялся почти девяти саженьям, но теперь в нём было четыре стопы, сделанные руками.

Люди смотрели на них без прежнего восторга. После па­дения двоих лишний пролёт уже не казался подарком.

Мирон записал в сменную книгу: «Временную длину не считать дорогой. Перед началом исправления назвать воз­можные остановки. На временный настил выходить только по отдельному разрешению Дары Лист и с двумя страховоч­ными канатами».

Дара прочла запись.

— Добавь: груз снять до того, как человек назовёт послед­нее действие завершённым.

— Это и так ясно.

— Роху было неясно.

Мирон добавил строку.

Возчик стоял рядом, опустив голову.

— Плату мне теперь разделят на два хода? — спросил он.

Дара уставилась на него.

— Что?

— Я сделал два хода, как обещал.

— Из-за твоей жадности двое чуть не утонули.

— Поэтому и спрашиваю. Если долга не запишут, ошибка получится исправлена не полностью.

Мирон чуть не рассмеялся, но увидел, что Рох говорит серьёзно. Человек уже пытался превратить признание в договор о плате.

— Получишь за доставленный камень по обычной цене двух лёгких рейсов, — сказал Мирон. — Из неё вычтут разбитое корыто и лечение плеча.

— Тогда мне ничего не останется.

— Останется целая ось.

Рох покосился на телегу.

— Ось не кормит.

— Сломанная тоже.

Возчик ушёл, бормоча себе под нос.

К вечеру по Вележу разнеслось сразу несколько версий случившегося. В одной Рох вырастил треть моста честным признанием. В другой Дара нарочно остановила работу, чтобы доказать власть над зрителем. В третьей Скрепа попыталась утопить рабочих за лишний камень. Никто не по-

вторял историю точно.

Зато у жаровен начали признаваться.

Сапожник объявил, что взял лишнюю кожу и вернёт её владельцу. Между двумя рамами выросла узкая доска длинной в три шага. Прачка признала, что оставила чужое бельё под дождём, и возле её тележки появилась перекладина. Подмастерье сказал, что неправильно заточил долото; красная щепка высунулась прямо из бочки.

Люди смеялись, мерили возникшее дерево и звали соседей. Никто не собирался вести по этим кускам город. Пока.

Мирон шёл вдоль жаровен и видел не доски, а будущие провалы. Каждое исправление могло остановиться из-за треснувшей телеги, потерянного ключа, ссоры или усталости. Каждая временная опора исчезала в тот миг, который определяла Крепа, а не стоящий на ней человек.

— Прекратить признания у воды, — сказал он квартальному старшему.

— На каком основании?

— Без записи действий и ответственного за безопасность.

— Люди говорят о своих ошибках. Ты им рот закроешь?

— Пусть говорят где угодно. Но не используют появившееся дерево.

— А если оно поможет перенести бочку?

— Нет.

Старший посмотрел на четыре обычные стопы над рекой.

— Твоё признание дало бы семь саженьей.

— И исчезло бы после исправления.

— Пока исправляешь, мы могли бы построить опоры.

Мирон услышал собственную утреннюю мысль в чужом голосе. Теперь она звучала хуже.

— Не успели бы.

— Откуда знаешь?

— Потому что дом разбирается быстрее, чем строится семь сажень моста.

— Тогда разбирай медленнее.

Квартальный сказал это без злобы. Как очевидное решение.

Мирон посмотрел на временные доски у сапожника. Тот уже нёс кожу владельцу, но нарочно шёл маленькими шагами, наслаждаясь вниманием. Доска держалась, пока продолжалось исправление.

Вот какой дорогой хотел сделать Вележ: не закончить вред, а растянуть исправление до другого берега.

— Нет, — сказал Мирон.

— Что нет?

— Мы не понесём город по незажившим ошибкам.

Он нашёл Аду у закрытой описи. Она записывала появившиеся доски отдельным списком: имя, действие, обещанное исправление, место временной длины.

— С завтрашнего дня ни одно признание не остаётся без записи, — сказал Мирон.

— С сегодняшнего, — ответила она. — Уже четырнадцать.

дцать.

— Запрети использовать длину без мостовой смены.

— Я веду опись, не приказываю.

— Тогда запиши условие рядом с каждым именем.

— Скрепа не добавляла такого условия.

— Его добавляем мы.

Ада подняла глаза.

— Утром ты спорил, что дух нельзя заставить читать ненаписанное.

— Дух — нельзя. Людей можно предупредить.

— Это не одно и то же.

— Поэтому пишем человеческое правило отдельно.

Она достала чистый лист.

— Сформулируй.

Мирон подумал о лопнувшей струне, исчезающих досках и человеке, повисшем лицом к воде.

— Временная длина принадлежит исправлению, а не городу. Выходить на неё можно только ради названного дела, после проверки пути и с возможностью вернуться, если работа остановится.

Ада записала, не меняя слов.

— Подпишешь?

— Подпишу.

— Дара тоже.

— Да.

— И Любава. Иначе это снова будет правило одного смот-

рителя.

Мирон задержал перо над листом.

— Зови Любаву.

Подписи поставили втроём при вечернем сигнале. Дара добавила рисунок двух страховочных канатов для тех, кто не умел читать. Лист прибили к воротному столбу.

За ним над водой торчала первая настоящая балка нового пролёта.

Она была короткой, грубой и уже испачканной речным илом.

Мирон доверял ей больше, чем всему прозрачному мосту, который мог подарить дух.

Глава 6. Опись тех, кто уходит

Утром Ада вынесла опись на площадь и велела поставить стол не у ратуши, а посреди разобранной улицы.

Справа от неё на домкратах висела красильня. Слева пекари тянули свою раму к западному спуску. Между ними оставался проход, по которому один за другим шли хозяева домов: с дощечками, печатями, свидетельствами о долях и детьми, которых некуда было деть. Город двигался вокруг неподвижного стола, и потому казалось, что сама опись стоит на месте, а Вележ медленно уходит из неё.

Ада разложила три книги.

В синюю она вносила то, что должно было пересечь мост: дома на полозьях, мастерские на шагающих опорах, телеги общинных запасов, пожарные бочки и четыре разборных колодезных ворота. В серой оставались люди и имущество, решившие зимовать в Ровени. Красную книгу она положила отдельно. В ней были спорные строки, и верхней стоял дом Мирона.

Перед столом уже спорили две сестры. Их общий дом ехал в Ставь, а младшая хотела остаться с мужем на западном берегу и требовала вынуть из дома свою половину печи.

— Печь не делится пополам, — сказал старший печник.

— Дом делится, а печь почему нет?

— Потому что треснет.

Ада выслушала обеих, осмотрела старую долеую бирку и записала в синюю книгу дом целиком. Младшей выдала отдельную серую строку на два сундука, кровать, ткацкий станок и право снять медную заслонку после того, как печник заложит отверстие кирпичом.

— До третьего вечернего сигнала, — сказала она. — После сигнала движимое имущество, не снятое с рамы, уйдёт вместе с домом.

— А если сестра не пустит меня внутрь?

— Тогда позовёшь двух понятых и квартального. Но заслонку не выламывай. Разобьёшь печь — исправлять будешь до перехода.

После вчерашних досок люди слышали такие слова иначе. Обе сестры одновременно посмотрели в сторону реки.

— Без признаний, — добавила Ада. — Просто не ломайте чужое.

Мирон ждал, пока спорящие отойдут. Под мышкой он держал служебную книгу, тяжёлую от медных застёжек. В ней числились воротные барабаны, сигнальные колокола, мостовые лодки, домики смен и всё имущество смотрителя, которое город собирал и разбирал уже больше ста лет.

Ночью он нашёл строку, за которую теперь держался.

Ада заметила его, но не позвала. Она приняла дощечку у старика с клеткой голубей, записала клетку как ручную кладь и отказалась записывать голубятню.

— Крыша снимается, — возразил старик.

— Стены врыты в землю.

— Я выкопаю.

— Тогда приходите, когда выкопаете и поставите на телегу.

— К вечеру?

— До сигнала.

— Вы нарочно тянете.

— Я сижу здесь с рассвета.

Старик ушёл, прижимая клетку к животу. Голуби внутри ворковали так спокойно, словно не собирались менять княжество.

— Теперь ты, — сказала Ада.

Мирон положил перед ней служебную книгу и открыл заложенное место.

— Дом при островной опоре, — прочитал он. — Предоставлен смотрителю для непрерывного надзора за воротом, причалом и зимним льдом. Ремонт стен и кровли производится из мостового сбора.

— Я читала это вчера.

— Значит, дом принадлежит службе.

— Значит, служба обязана чинить в нём крышу.

— Городское имущество внесено в синюю опись независимо от хозяина.

Ада протянула руку. Мирон отдал ей книгу. Она прочитала строку, затем предыдущую и следующую. Над столом скрипели полозья красильни. Рабочие подсыпали под них

мокрый песок, чтобы дерево не рвануло вперёд.

— Здесь не написано, что дом принадлежит городу, — сказала Ада.

— Сбор городской.

— Из сбора чинят и ставьский устой. Он не становится вележским.

— Смотритель назначается Вележем.

— По согласию двух княжеств.

— А живёт там ради города.

— Ты живёшь там пятнадцать лет. Кто платил за пристройку кухни?

— Я.

— За северную стену?

— Я и служба. Там хранится воротный запас.

— За сад?

Мирон постучал пальцем по книге.

— Мы вносим строение, не яблони.

— Тогда покажи раму строения.

— Дом можно считать мостовым складом.

— Склад на чём поедет?

Он не ответил.

Ада закрыла книгу, но ладонь оставила на обложке.

— Синяя опись — не список ценного, Мирон. Это список груза. У каждого дома здесь есть рама, полозья или опоры, место в очереди, вес и люди, отвечающие за движение. У твоего что?

— Северную стену всё равно придётся разобрать. Под неё можно завести балки.

— Можно?

— Да.

— За сколько дней?

Он посмотрел на красильню. Её раму строили весной из вяза, сушили всё лето и дважды испытывали с бочками воды. Даже маленький дом нельзя было превратить в движимый несколькими балками, подсунутыми под пол.

— Если снять кровлю, печь и пристройку, — сказал Мирон, — останется сруб. Его можно посадить на две клетки.

— За сколько дней?

— При двух сменах — за три.

— До закрытия западного подхода полтора дня. До льда, если повезёт, одиннадцать. Где клетки?

— Соберём.

— Из какого леса?

— Возьмём служебный запас.

— Тот, которым Дара наращивает мост?

Мирон почувствовал, как люди в очереди перестали разговаривать. Он не оборачивался. За ним стояли хозяева настоящих движимых домов, и каждый знал цену сухой балки.

— Часть можно заменить стеновым брусом, — сказал он.

— Тогда назови вес сруба.

— Посчитаю.

— Число мест в очереди.

— После грузов службы.

— Кто поведёт клетки?

— Моя смена.

— Она ведёт мост.

— Я найду людей.

— Чьих?

Каждый ответ открывал не дорогу, а следующую пустоту. Мирон видел это не хуже Ады. Он пришёл к столу с одной старой строкой и надеялся, что она выдержит вес дома. Строка оказалась такой же временной доской, как вчерашний подарок Скрепы: стоило поставить на неё настоящий вопрос, и под буквами проступала вода.

— Запиши намерение переделать дом, — сказал он.

— Намерения я не перевозжу через мост.

— Ты оставила красную строку до вечера.

— Чтобы дать тебе время предъявить законное основание или движимую раму. Ты не предъявил ни того ни другого.

— Вечер ещё не наступил.

— Поэтому строка лежит здесь.

Ада открыла красную книгу. Возле его имени оставалось пустое место для решения.

— Но в синюю я его не перенесу, — сказала она. — И в серую пока тоже. Дом стоит на спорном острове. Если я запишу его остающимся в Ровени, Керн назовёт это признанием ровеньской земли. Если запишу уходящим в Ставь без рамы, Скрепа прочтёт ложный груз. Красная строка честнее

обеих.

— Честнее для книги.

— Для людей тоже. Она показывает, что мы не решили.

— А закрытая опись показывает, что решение уже принято.

— Закрытая опись показывает, кто уходит с городом в этот переход. Земельный спор она не решает.

Мирон забрал служебную книгу.

— Удобно разделять строки, когда дом не твой.

Ада не обиделась. Только подвинула к себе следующую дощечку.

— Был бы мой, рамы у него всё равно не прибавилось бы.

Очередь снова зашумела. К столу подошла семья свечника: мать, двое взрослых сыновей и девочка с корзиной фитилей. Их мастерская стояла на общей раме с домом, но один сын решил зимовать в Ровени.

Мирон отошёл, хотя хотел остаться и поймать Аду на исключении. Она не дала ему такого утешения. Сына записала в серую книгу, его долю воска взвесила отдельно, а право на мастерскую оставила за теми, кто поведёт раму. Когда мать потребовала вычеркнуть остающегося из семейной доли, Ада отказалась.

— Он выбирает берег, не перестаёт быть владельцем, — сказала она. — Весной сможете выкупить долю или вернуть её с мастерской. Сейчас я записываю движение, а не наследство.

Мирон вспомнил Тиша.

Племянник должен был явиться к описи до полудня и подтвердить, что остаётся. Вчера Мирон сам потребовал, чтобы его выбор записали без принуждения. Сегодня этот выбор значил больше: дом на острове мог лишиться не только места в городе, но и единственного человека, которому Мирон собирался его передать.

Он нашёл Тиша у северной рамы. Тот стоял на коленях под поднятой мастерской канатчиков и менял треснувший клин. Рядом работали двое ровеньских колёсников в коротких кожаных фартуках. Их инструменты Тиш раскладывал отдельно от мостовых, словно уже привык к другому порядку.

— Ада ждёт подтверждение, — сказал Мирон.

Тиш не вылез.

— После клина.

— Опись закрывается по сигналу.

— До сигнала далеко.

— У неё очередь.

— Очередь никуда не уедет без этой рамы.

Мирон присел возле домкрата. Новый клин был вытесан точно, но племянник срезал древесину слишком тонко у пятки.

— Оставь палец толщины, иначе край сомнёт.

— Здесь нагрузка уйдёт на второй упор.

— Когда рама повернёт, не уйдёт.

Тиш выбрался наружу, вытер лоб рукавом и показал на меловые метки.

— Второй упор поворачивается вместе с ней. Мы проверили.

— На пустой раме.

— С бочками.

— Сколько?

— Двенадцать.

— Мастерская весит больше.

— Поэтому пятка садится глубже.

Один из колёсников перестал работать. Мирон понял, что ещё немного — и спор станет проверкой не клина, а права Тиша принимать решения без него.

— Покажи после установки, — сказал он.

— Покажу Даре.

— Я смотритель.

— А Дара ведёт смены.

Слова были точными. Именно поэтому ударили сильнее.

Мирон поднялся.

— Сходи к Аде. Я закончу клин.

Тиш посмотрел на него снизу вверх.

— Ты хочешь помочь раме или выгнать меня к столу?

— Опись — не выгоняет.

— Вчера ты говорил, что закрытая строка не даст передумать.

— Потому и надо записаться правильно.

— Я записался правильно.

— Подтверждение нужно после закрытия.

— Я подтверждаю.

— Тогда иди сейчас.

Тиш медленно положил резец.

— Ты боишься, что я не приду?

Мирон хотел сказать, что речь о порядке. Эти слова уже стояли во рту, привычные и крепкие. Но вчера он видел, как Рох превратил исправление в спор о плате, а сегодня сам превратил опись в способ ещё раз вытребовать у Тиша ответ.

— Боюсь, — сказал он.

Под мастерской стало слышно реку.

Красной доски не появилось. Признание было точным, но Мирон не назвал ни вреда, ни исправления. И впервые он обрадовался, что вода промолчала.

Тиш сел на корточки напротив.

— Чего именно?

— Что ты останешься. Что дом не внесут. Что к зиме от него останутся брёвна у воды, а я всё это время строил его для человека, которому он не нужен.

— Ты строил его для себя.

— Сначала для себя.

— И это не преступление.

— Потом для нас обоих.

— Не спросив меня.

Мирон кивнул. На этот раз по воде у рамы прошла тон-

кая рябь, но никаких букв не возникло. Видимо, признанной ошибки было мало и здесь: нужно было сказать, что он с ней сделает.

— Я не стану вписывать тебя в дом, — сказал он. — И не буду просить Аду связать твою долю с ним. Подтверди свой выбор, когда закончишь клин.

— Это всё?

— Пока всё, что я могу не испортить.

Тиш усмехнулся, но не зло.

— Тогда держи упор.

Они поставили клин вместе. Мирон придерживал его клещами, Тиш бил коротко и ровно. Пятка действительно вошла глубже, чем Мирон ожидал, и при пробном повороте нагрузка ушла на второй упор. Он провёл пальцем по краю. Дерево не смялось.

— Выдержит, — сказал он.

— Я знаю.

— Знать до испытания нельзя.

— Поэтому мы испытывали.

Тиш забрал дощечку остающегося и пошёл к площади. Мирон не пошёл следом.

Вместо этого он вернулся на остров.

Дом встретил его тишиной и запахом остывшей золы. Северная стена была исчерчена мелом: здесь вынуть окно, здесь снять полку с воротными журналами, здесь разобрать кладку до старого угла. Если он признает всю ошибку и

начнёт исправление, временная длина ляжет через реку. Но чтобы исправление стало настоящим, придётся разбирать не только стену. Неверно поставленная опора уходила под кухню и часть жилого сруба.

Мирон прошёл в кладовую. На полках лежали железные скобы, запасные собачки для ворота, промасленные канатные петли и сигнальные флажки. Всё это действительно принадлежало службе. На каждой вещи было выжжено клеймо Вележа.

Он начал выносить их во двор.

Скобы сложил на ручную тележку. Петли повесил на перекладину. Журналы связал ремнём. Через четверть часа двор стал похож на склад перед переездом, но дом оставался домом: печь держала тепло, ставни знали свои крюки, ступень под дверью была стёрта его сапогами.

Если имущество службы уедет, стены не поедут вместе с ним.

Мирон нашёл под полкой старую медную пластинку. На ней прежний смотритель выцарапал: «Лёд встал на два дня раньше. Западный ворот не открывать». Пластинка пережила человека, одну замену крыши и пятнадцать осенних переходов. Мирон всегда думал, что оставит её Тишу как первую вещь смотрителя.

Теперь он положил её к журналам.

У калитки звякнул колокольчик. Пришла Ада с красной книгой под рукой.

— Я не закончила спор, — сказала она.

— Ты его закончила за столом.

— За столом я отказалась вписать дом в синюю опись. Но имущество службы надо внести отдельно.

Она увидела тележку.

— Ты уже начал.

— Скобы, петли, журналы, флажки. В кладовой ещё запасная ось малого ворота. Нужны двое, одному её не вынести.

Ада открыла синюю книгу и стала записывать. Каждый предмет получал вес, место и назначение. Скобы ехали с мостовой телегой. Канаты — с Дарой. Журналы — в сухом ящике ратуши. Сигнальные флажки оставались Мирону до конца перехода.

— Медная пластинка? — спросила она.

— К журналам.

— Клеймо есть.

— Есть.

Она внесла пластинку одной строкой, хотя та весила меньше её пера.

— Тиш подтвердил, что остаётся, — сказала Ада.

Мирон затянул ремень на связке журналов.

— Записала?

— В серой книге. Без доли в твоём доме.

— Хорошо.

— Он просил внести мостовой молоток как личный ин-

струмент.

— Молоток служебный.

— На рукояти его метка.

— Я дал ему пользоваться.

— Значит, остаётся служебным?

Мирон вспомнил, как Тиш передал молоток Рыку у северной рамы, а потом забрал обратно для работы с колёсниками. Инструмент был старый, с дважды перекованным бойком. По книге он числился за мостовой сменой. По руке — давно принадлежал Тишу.

— Выпиши из службы как изношенный, — сказал Мирон.

— Стоимость удержи из моего жалованья.

— Он не изношен.

— Тогда продай Тишу.

— Городское имущество продаёт Любава.

— Отнеси ей запрос.

— Отнесу. Но если откажет?

Мирон посмотрел на медную пластинку.

— Тогда дам ему свой.

Ада записала запрос на полях. Затем обошла дом, заглянула под крыльцо и потрогала нижний венец.

— Даже если бы ты нашёл людей, раму сюда не завести, — сказала она. — С востока мешает опора, с севера — ворот. Придётся снять половину сруба.

— Знаю.

— В половине сруба уже нет смысла.

— Знаю.

— Тогда зачем ты спорил?

Он мог ответить: потому что это его дом. Но такой ответ был слишком коротким и потому неточным. Мирон спорил ещё и потому, что привык спасать вещи от воды расчётом. Любая потеря казалась ему следствием недостаточной смелости: не нашёл нужную балку, не разглядел старую строку, не заставил людей работать быстрее. Признать предел означало допустить мир, в котором правильного узла иногда не существовало.

— Я думал, у всякого груза можно найти путь, — сказал он.

— У всякого движимого груза.

— Опять твоя буква.

— Не моя. Но на этот раз она описывает дерево, а не человека.

Ада присела у камня фундамента. Между камнем и нижним венцом не проходило даже лезвие. Дом стоял крепко. Именно это делало его беспомощным перед уходом города.

— Когда я была ребёнком, — сказала она, — наша лавка ехала последней. Отец каждый год клялся, что однажды поставит её на камень и больше не будет платить за раму. Потом начиналась осень, и он сам проверял полозья. Ненавидел переезд, но любил возможность уехать.

— А ты?

— Я люблю, когда список совпадает с тем, что люди дей-

ствительно делают.

— Очень удобная любовь.

— Нет. Люди почти никогда не делают то, что записали весной.

Она поднялась и отряхнула ладони.

— Дом я оставлю в красной книге. Не отдам его Ровени одной строкой и не притворюсь, что он едет. Но после вечернего сигнала синяя опись закроется окончательно.

— Ты уже закрывала её вчера.

— Вчера закрыла приём решений людей. Сегодня сверяю имущество и подтверждения. Так делали все годы.

— И если человек передумает завтра?

— Для книги он опоздает.

— Для города?

Ада посмотрела на него внимательно.

— Вот это другой вопрос.

— Скрепа сказала, что закрытая опись не меняется без последствий.

— Она не сказала, что человек перестает существовать.

— Но мост может не признать его частью города.

— Может.

— И ты всё равно закроешь?

— Если не закрою, мы не узнаем вес, очередь и число рам. Нельзя провести город по списку, который меняется под каждым домом.

— Значит, человек должен решить раньше, чем узнает

всё.

— Так бывает с уходом.

Мирон не любил эту фразу. В ней было слишком много примирения с плохим устройством мира. Но спорить он не стал. За рекой ударили молоты: Дара поднимала следующую клетку постоянной опоры. Каждый удар напоминал, что решения нужны не только справедливые, но и сделанные вовремя.

Они вынесли запасную ось вдвоём. Ада взялась за тонкий конец, Мирон — за тяжёлый. На полпути к тележке она остановилась.

— Кто-то идёт.

По островной тропе спускались люди Керна Воды. Впереди шагал сам сборщик в зелёном плаще, за ним — писарь с дощечкой и двое мерщиков с цепью. Они не несли оружия, если не считать княжеских печатей на поясах.

— Рано явился, — сказал Мирон.

— Для чего?

— Считать то, что останется.

Керн остановился у калитки и поклонился Аде, затем Мирону.

— Не помешал переносу имущества?

— Помешал, — ответил Мирон. — Поэтому говори быстро.

Сборщик посмотрел на дом, на тележку и на красную книгу.

— По соглашению берегов строения, не внесённые в осеннюю движимую опись к третьему сигналу сверки, считаются оставленными на земле пребывания.

— Сигнала ещё не было, — сказала Ада.

— Потому мы только меряем.

— Не будете.

Керн улыбнулся.

— Землю вправе мерить княжеские люди.

— Землю — когда установите, чья она, — сказал Мирон.

— Дом — когда установите владельца.

— Дом не движется со своим городом. Оба вопроса к вечеру упростятся.

Мерщики размотали цепь. Мирон поставил ось на землю поперёк калитки.

— Через двор не пройдёте.

— Ты защищаешь частное владение или городскую службу? — спросил Керн. — Утром, говорят, утверждал второе.

Слух успел пересечь мост быстрее любого дома.

— Защищаю спорное имущество до решения.

— Чьего?

— Не твоего писаря.

Ада открыла красную книгу и повернула её к Керну.

— Дом не исключён в пользу Ровени. Он оставлен в спорной строке. Моя печать это подтверждает.

— Красная строка не умеет стоять на земле.

— Зато умеет помешать тебе назвать захват описью.

Улыбка Керна исчезла.

— После ухода Вележа здесь нельзя оставить бесхозный ворот и дом без сбора. Кто-то должен отвечать за лёд, причал и проход.

— Смотритель, — сказал Мирон.

— Смотритель уйдёт с Вележем.

— Откуда знаешь?

Керн посмотрел на него так, будто впервые заметил возможность, которую не записал заранее.

— Твоя должность городская.

— По согласию двух княжеств, — повторил Мирон слова Ады. — И дом, по твоим словам, останется здесь. Значит, до нового решения смотритель может остаться при доме.

Он сказал это, чтобы остановить мерщиков. Но фраза легла между ними настоящей дорогой. Мирон вдруг увидел её конец: Вележ уходит, Тиш остаётся в Ровени, а он зимует на острове и следит за воротом, пока Ставь считает его беглецом, Ровень — своим служащим, а город выбирает другого смотрителя.

Керн тоже увидел.

— Ровень предоставит тебе охранную грамоту, — сказал он. — И признает дом служебным. Достаточно будет подтвердить, что остров относится к нашему берегу.

— Нет.

— Ты даже не выслушал условия.

— Первое условие уже услышал.

— Тогда оставь дом без защиты. После сигнала мы вернёмся с земельным приказом.

— Возвращайся с приказом двух берегов.

— Таких не бывает.

— Значит, не возвращайся.

Керн велел мерщикам смотать цепь. Уходя, он задержался возле тележки и коснулся связки журналов.

— Всё движимое вы уже спасаете, — сказал он. — Иногда это и есть разумная граница.

Мирон убрал его руку.

— Не тебе её проводить.

После ухода княжеских людей они молча погрузили ось. Ада вписала её вес и поставила рядом синюю отметку.

— Ты действительно можешь остаться, — сказала она.

— Могу.

— Тиш был бы не один.

— Он не просил меня оставаться.

— Я не о просьбе.

— А я именно о ней.

С площади донёсся первый вечерний колокол. До окончательной сверки оставалось два сигнала.

Мирон запер кладовую, хотя внутри почти ничего не осталось. Снял со стены ключ от дома и на мгновение подумал положить его к служебным вещам. Но на ключе не было городского клейма.

Он убрал его в карман.

К третьему сигналу площадь заполнилась. На подвижных домах зажгли по фонарю, на остающихся — по свече у двери. С высоты ратушной рамы Вележ выглядел расколотым небом: фонари медленно ползли к реке, свечи стояли на месте.

Ада читала не имена, а числа. Двести восемьдесят семь рам. Девяносто четыре телеги общинного груза. Одиннадцать мастерских на отдельных опорах. Семьдесят три человека оставались в Ровени по своему выбору. Четыре строения не могли двигаться и не были включены в город: голубятня, две глиняные печи красильщиков и дом при островном воротах.

При слове «дом» люди повернулись к Миرونу.

Он стоял рядом с Дарой у воротного столба. На реке темнели четыре стопы новой балки — настоящее дерево, добытое без лжи. До другого берега всё ещё не хватало больше шести саженей.

— Возражения по движимой описи? — спросила Ада.

Мирон мог поднять руку. Потребовать ещё ночь. Обещать раму, которой не было, людей, которых пришлось бы снять с моста, лес, уже назначенный опоре. Никто не запретил бы ему говорить.

Он посмотрел на Тиша. Племянник стоял среди остающихся колёсников, держа старый мостовой молоток. Любава всё-таки разрешила продажу: на рукояти появилась свежая выжженная черта личного инструмента.

Мирон не поднял руку.

Ада приложила синюю печать к книге.

Вода под мостом вспыхнула красными буквами.

Скрепа поднялась из отражения по пояс. Лица у неё по-прежнему не было; вместо глаз дрожали две круглые печати.

— Перечень уходящего принят, — произнесла она. — Внесённое составляет город на время перехода. Невнесённое не составляет его груза.

По площади прошёл шёпот.

— А люди из серой книги? — спросил кто-то.

— Не составляют уходящего города по собственному подтверждению.

Тиш сжал молоток, но не отступил.

Мирон шагнул к воде.

— Дом в красной строке кому принадлежит?

— Принадлежность не установлена договором перехода.

— Он считается оставленным?

— Он не внесён как уходящий.

— Это не ответ.

— Это строка.

Скрепа не издевалась. Она вообще не умела уклоняться по-человечески. Ей дали строку, и она повторяла её до самого края смысла.

— Может ли невнесённый дом стать частью города после закрытия описи? — спросил Мирон.

— В этот переход — только через исправление признан-

ной ошибки описи и соответствующее действие.

Ада резко подняла голову.

— Какой ошибки?

— Признанной исполнителем.

— А если ошибки нет?

— Исправление не требуется.

Дух опустилсЯ в воду. Красные буквы ещё миг держались между отражениями фонарей, затем течение разорвало их.

Люди начали расходиться к своим рамам. Синий перечень был закрыт, но город не остановился. Возчики проверяли упряжь, старшие пересчитывали детей, печники гасили последние постоянные очаги. Остающиеся не знали, куда встать: их дома и родня частью уходили, частью оставались. Тиш первым отошёл от колёсников и подошёл к семье свечника, чтобы помочь вынести воск из движимой мастерской.

Мирон остался у столба.

— Ты мог возразить, — сказала Ада рядом.

— Рамы нет.

— Мог потребовать отсрочку.

— Леса нет.

— Мог назвать дом складом.

— Колёс нет.

Ада закрыла красную книгу.

— Теперь злишься на меня?

— Да.

— Хорошо.

— Что хорошего?

— Ты назвал правильного человека. Не Скрепу, не Керна и не Тиша.

Мирон посмотрел на неё.

— Я злюсь не только на тебя.

— Ещё лучше.

Она сунула красную книгу под мышку и ушла помогать сестрам со снятой печной заслонкой.

На острове горело одно окно. Издалека дом казался готовым ждать возвращения Вележа весной. Мирон знал, что это ложь света. Керн придёт с приказом. Река подмывает неверную опору. А чтобы достроить мост, возможно, придётся разобрать стену раньше, чем княжеский писарь успеет измерить двор.

Синяя опись исключила дом из уходящего города.

Но впервые Мирон ясно понял другое: если он будет спасать его любой ценой, дом исключит из города его самого.

Глава 7. Пошлина двух берегов

Первым на ставьский берег ступил не дом и не человек, а пустой башмак городской рамы.

Его вынесли по постоянной части моста шестеро рабочих, поставили возле нового устоя и накрыли парусиной от дождя. Башмак был дубовый, окованный железом, с выемкой под поворотный палец. В Вележе таких хранилось четыре десятка. Этот ничем не отличался от остальных, пока ставьский писарь не положил на парусину белый шнур.

— Что это? — спросила Дара.

— Знак принятого груза, — ответил писарь.

— Мы не сдаём его Стави.

— Он пересёк границу княжества.

— Он лежит на мостовом устое.

— Восточная грань устоя относится к Стави.

Дара сняла шнур и бросила писарю.

— Тогда относите грань обратно. Башмак нужен через час.

Писарь поймал шнур, но не ушёл. За ним у шлагбаума ждали четверо сборщиков в белых плащах. На деревянной будке висела новая доска: «Осенний ввоз движимого города». Ещё вчера на ней было написано только «Мостовой сбор».

Мирон прочитал доску дважды.

— Кто распорядился?

Из будки вышла ставьская наместница Ольша Верет. Невысокая женщина с серебряной сеткой на волосах, она приезжала к переходу каждый год и всегда умела появиться после того, как тяжёлую работу сделали другие.

— Казна, — сказала она. — Пошлина утверждена весной.

— Весной Вележ был на западном берегу.

— Поэтому взимать её было не с чего.

— Мы платим мостовой сбор обоим княжествам.

— За содержание подходов. Это ввоз имущества.

Дара поставила ногу на башмак.

— Он не ввезён. Мы испытываем устой.

Ольша посмотрела на писаря.

— Запишите испытательное имущество без передачи владельца. Пошлина возникает, когда предмет останется на восточной стороне после третьего сигнала.

— Он к тому времени будет под рамой, — сказала Дара.

— Значит, заплатит рама.

Мирон подошёл к будке и сорвал новую доску с крючьев. За ней обнаружилась старая надпись, потемневшая от дождя.

— Верни, — сказала Ольша.

— Покажи весеннее решение.

Она достала из кожаной папки свиток с тремя печатями. Мирон развернул его на стене будки. Решение было принято ставьским советом за неделю до весеннего возвращения

Вележа. Пошлину назначали на «всякое движимое строение, товарный запас и оружие, пересекающее восточную черту для зимнего пребывания». Исключения давались посольским грузам, скоту на водопой и телам умерших.

— Весной вы знали, что осенью город вернётся, — сказал Мирон.

— Конечно.

— Почему не сообщили?

— Решение вывешивали у княжеского двора.

— В трёх днях пути от летнего места.

— Город мог прислать гонца.

— За решением, о существовании которого не знал.

Ольша пожала плечами.

— Незнание сбора не отменяет сбора.

С западного берега прозвучал медный сигнал. Первая жилая рама начинала движение к мосту. Это был дом семьи свечника — тот самый, из которого вчера вынимали долю остающегося сына. На крыше закрепили трубы, окна закрыли ставнями, внутри остались только тяжёлые шкафы и печь с вынутой заслонкой. Передний край рамы уже полз по подходу.

— Останови, — сказал Мирон Даре.

— На подходе нельзя останавливаться.

— До въезда на мост.

— Там сзади красильня.

— Она ещё на площади.

Дара махнула сигнальщику. Тот поднял красный флажок. По цепи постов знак ушёл на запад, и движение дома замедлилось.

Ольша спокойно вернула доску на крючья.

— Плата за жилую раму — двенадцать ставьских серебряников. За мастерскую — двадцать. Запасы оцениваются отдельно.

— У Вележа нет такой суммы, — сказал Мирон.

— Можно внести лесом, мукой или металлом.

— Тем, что должно кормить город зимой.

— Тем, что город ввозит в Ставь.

Мирон посмотрел на реку. Четыре постоянные стопы нового пролёта торчали над водой, но до восточного устоя между ними оставался разрыв. По временным рабочим мосткам люди передавали камень. Первый дом всё равно не мог пройти сегодня. Однако пошлина превращала техническую поддержку в чужое право держать город у шлагбаума.

— Никто не пересекает восточную грань без моей команды, — сказал он Даре.

— Это было верно и без пошлины.

— Теперь башмак тоже верни.

Она подняла бровь.

— Час назад он был нужен на испытании.

— Испытай на нашей стороне.

— У дерева нет княжества.

— У сборщика есть шнур.

Дара велела унести башмак. Ставский писарь записал его возвращение отдельной строкой.

К полудню перед западным подходом выстроились три рамы. Остановленный дом свечника нельзя было отвести назад: его задние полозья уже вошли в направляющий жёлоб, а разворот занял бы половину дня. За ним ждала пустая рама красильни, дальше — общинная хлебная телега. Внутри города образовался затор, который расходился по улицам, как трещина по льду.

К Миرونу пришла Любава с казначеем. Казначей принёс две книги и лицо человека, которого заставили считать пожар во время пожара.

— В городской кассе тридцать один серебряник, — сказал он. — Ещё сорок два записаны долгами жителей.

— Сколько требует Ставь за весь перечень?

— Если считать их ставками, около двух тысяч. Без товаров.

— У нас столько не было даже перед летней ярмаркой, — сказала Любава.

Ольша стояла рядом и не возражала.

— Казна готова принять обязательство, — сказала она. — Вележ заплатит зимой из торгового сбора.

— И будет торговать с разрешения Стави, пока не рассчитается, — ответил казначей.

— Долг ограничит только вывоз товара.

— То есть весь зимний заработок.

Любава протянула руку к свитку.

— Кто поставил третью печать?

— Княжеский хранитель дорог.

— Он получает долю?

— Это неприличный вопрос.

— Значит, получает.

Мирон оставил их спорить и пошёл к западному концу моста. Ему нужна была точная черта, а не слова «восточная сторона». На старых камнях устоя сохранились межевые зарубки. Он нашёл одну под слоем мха, вторую закрывала будка сборщиков. Если соединить их, граница проходила не по краю устоя, а через середину площадки. Ставская будка стояла на две стопы западнее собственной земли.

— Дара! — крикнул он.

Она пришла с отвесом. Вместе они протянули шнур между зарубками. Линия пересекла ножку будки.

— Уберите строение с мостовой земли, — сказал Мирон Ольше.

— Будка стоит здесь сорок лет.

— Значит, сорок лет мешает проходу.

— В прошлом году не мешала.

— В прошлом году ты не называла каждую доску ввозом.

Ольша присела у зарубки.

— Эта метка старше нынешнего устоя. После паводка границу перенесли.

— Где запись?

— В ставьском архиве.

— Принеси.

— К вечеру.

— До вечера будка не принимает груз.

Мирон поставил двух мостовиков у шлагбаума. Олыша не стала звать стражу. Она приказала писарю перенести стол за межевую линию, но доску оставила на прежнем крюке. Получилось нелепо: сборщики сидели на своей земле, а объявление висело над спорной.

Задержка дала Вележу несколько часов, не больше. Мирон понимал это. Даже если новая пошлина нарушала старую границу, Ставь могла передвинуть шлагбаум на два шага и требовать то же самое.

С западного берега прискакал мальчишка Керна.

— Смотрителю, — сказал он и протянул сложенную досочку.

На воске была печать Ровени. Керн уведомлял: после закрытия движимой описи все невнесённые строения подлежат береговому сбору и охране. За дом при островном ворота назначалась плата как за жилое строение с причалом. До выяснения принадлежности острова сбор считался ровеньским, потому что проход к нему начинался с западной земли.

Мирон прочитал послание Любаве.

— Они сговорились? — спросил казначей.

— Им не нужно, — сказала Олыша. — Каждый берег собирает своё.

— С одного города.

— С разных предметов.

— Один требует за то, что уходит, другой — за то, что остаётся.

Ольша поправила перчатку.

— Значит, всё учтено.

Мирон сломал ровеньскую дощечку о край будки. Две половины упали по разные стороны межевого шнура.

— Передай Керну, — сказал он мальчишке, — дом в красной строке. Сбора до решения двух берегов не будет.

— А если он спросит, кто так сказал?

— Скажи: смотритель моста.

— Он говорил, ты уйдёшь с городом.

— Пока не ушёл.

Мальчишка ускакал.

К вечеру ставьский архив принёс не Ольша, а молодой чиновник с ларцом. В ларце лежали пять межевых грамот, и ни одна не совпадала с другой. После каждого большого паводка княжества передвигали черту к середине реки, но река меняла русло снова. В одной грамоте весь устой принадлежал Стави. В другой половина площадки считалась общей землёй моста. В третьей границей служила вода, а не камень.

— Какая действует? — спросил Мирон.

Чиновник посмотрел на Ольшу.

— Последняя по дате.

— В ней нет печати Ровени, — сказала Любава.

— Ставь не обязана просить Ровень о границе на ставьском берегу.

— Тогда почему грамота называется соглашением?

Ольша забрала лист.

— Ошибка переписчика.

Вода под устоем вспыхнула красным.

Все замолчали.

Скрепа не поднялась над рекой, но буквы проступили на мокрых камнях будки.

— Названы исполнитель, действие и вред не полностью,

— произнёс её голос.

Молодой чиновник побледнел.

— Я ничего не признавал.

— Ты назвала ошибку переписчика, — сказал Мирон Ольше.

— Это выражение.

— Для Скрепы — начало признания.

Красная строка дрогнула на камне.

— Назови переписчика, — потребовал Мирон. — Что он сделал и кому повредил.

— Не собираюсь кормить дух канцелярскими оговорками.

— Тогда не называй ошибкой то, что сама решила.

Ольша свернула грамоту.

— Отсутствие одной печати не отменяет княжеский сбор.

— И не подтверждает его на общей земле.

Любава распорядилась разбить городской шатёр прямо на восточной половине площадки, перед передвинутым столом сборщиков. Казначей сел внутри с книгами, Дара поставила рядом рабочих. Получилась осада без оружия: Вележ занял спорное место людьми и бумагами, Ставь — шламбаумом и стражей. Между ними лежал один дубовый башмак, который Дара снова принесла для испытания и теперь нарочно держала к западу от шнура.

Первый дом ждал.

Внутри свечной семьи началась ссора. Старшая хозяйка требовала пропустить раму и обещала заплатить из собственных запасов. Её сын, остающийся в Ровени, кричал с берега, что серебро принадлежит всей семье. Младшая девочка сидела на пороге движимого дома и плакала: из-за наклона рамы дверь заклинило, и она не могла войти за куклой.

Мирон поднялся по западному подходу к дому.

— Раму не поведём до открытия пути, — сказал он хозяйке.

— Мой муж простыл прошлой осенью, пока вы спорили о канате. Теперь вы спорите о монетах.

— Если заплатите, следом встанет красильня. Потом хлебная телега. Мы не можем выкупать город по одному дому.

— Тогда пусть мой будет первым и единственным.

— А люди за вами?

— Пусть решают сами.

Остающийся сын рассмеялся с земли.

— Вот так ты и мою долю решила.

Мать повернулась к нему.

— Ты сам остался!

— Я остался, а воск едет. Если ты отдашь его за пошлину, весной мне нечего будет делить.

— Весной ты прибежишь просить место в мастерской.

— Не прибегу.

Их спор не был недопониманием. Оба знали, чего хочет другой. Мать хотела увезти дом до дождя и была готова потратить общее. Сын хотел сохранить долю и принимал риск, что дом застрянет. Ни одна правильная фраза не могла примирить две цены.

— Ада записала долю воска отдельно, — сказал Мирон.

— Без его согласия ею нельзя платить городской сбор.

— Это не городской сбор, — отрезала хозяйка. — Это плата за мой проход.

— Дом общий.

Она закрыла ставню у него перед лицом.

Дождь начался ночью. Сначала мелкий, затем тяжёлый. Полозья на подходе набухали, канаты темнели. Дом свечника нельзя было оставить на уклоне до утра: вода размягчала песчаную подсыпку, а задняя рама давила на тормозные колеса.

Дара привела Мирона к нижнему упору.

— Ещё час — и правый кол уйдёт, — сказала она.

— Добавь второй.

— Не войдёт рядом. Надо либо спустить дом на мост, либо вытянуть назад.

— Назад нельзя.

— Тогда на мост. До рабочего кармана перед разрывом. Там ровно.

— Он окажется над водой.

— На постоянной секции.

— И перекроет доставку камня.

— На четыре часа. Зато не раздавит подход.

Ставь не могла взять пошлину за дом, не пересёкший восточную границу. Но если поставить его на мост, Вележ впервые повиснет над рекой. Решение пошлинного спора станет вопросом жизни семьи, а не только книг.

— Веди, — сказал Мирон.

Дара подняла зелёный фонарь. Сигналы загорелись один за другим. Лебёдки натянули канаты, рабочие выбили тормозные клинья. Дом свечника дрогнул и медленно пополз вниз.

На пороге появилась девочка. Она держала найденную куклу обеими руками. Мать стояла за ней, обвязавшись верёвкой за пояс. Остающийся сын шёл сбоку по земле, пока земля не закончилась. У начала моста он остановился.

— Дальше не пойдёшь? — крикнула мать.

— Я записан остающимся.

— Проводи хотя бы дом.

Он покачал головой. Не из злости — Мирон увидел, как тот вцепился пальцами в перила. Если сын ступит на раму, семья решит, что он передумал. Если не ступит, последний общий вечер закончится у воротного столба.

Тиш подошёл к нему и молча встал рядом.

Дом сошёл с берега. Деревянные полозья загудели по мостовым балкам. Весь Вележ услышал этот звук: первое жилое строение оказалось над Вежей.

Скрепя поднялась в дождевой воде у борта.

— Внесённое движется согласно перечню, — сказала она.

— Оно ещё не в Стави, — крикнул Мирон.

— Оно составляет город на переходе.

— Чьей землёй считается мост под ним?

— По договору основания мост соединяет две земли и поддерживается двумя сторонами.

— Принадлежит кому?

— Принадлежность не названа.

Из ставьского шатра донёсся голос Ольши:

— Восточная половина содержится Ставью. Пошлина возникнет при сходе.

Мирон посмотрел на Скрепу.

— Содержание означает право брать плату за всякий груз?

— Договор основания не содержит такого права.

— Запрещает?

— Не содержит такого запрета.

Ольша улыбнулась из-под навеса. Буква снова оставила людей по разные стороны смысла.

Дом остановили в рабочем кармане. Его передний край не доходил до нового каменного пролёта, задний освободил опасный уклон. Под окнами текла чёрная вода. Девочка со свечной куклой смотрела вниз и больше не плакала.

— Теперь вы обязаны достроить путь, — сказала хозяйка Миرونу.

— И до этого был обязан.

— Раньше под тобой стояла земля.

Она была права.

К рассвету дождь стих. За ночь мостовики уложили ещё две балки на каменные стопы, но до восточного устоя оставалось пять сажень с лишним. Дом свечника занял рабочий карман, и камень приходилось передавать под его задней рамой. Люди ползали в грязи, ударялись спинами о балки, ругали сборщиков обоих княжеств.

Керн явился на западный берег вместе с шестью стражниками. Он поставил у островной тропы собственную доску: «Береговой сбор с оставленного имущества». Под ней перечислил дом, причал, ворот и голубятню старика. Ровень брала плату даже с голубятни, которую хозяин всю ночь разбирал и успел лишить крыши.

Мирон пришёл к Керну без приветствия.

— Убери доску.

— После оплаты.

— Дом спорный. Ворот общий. Причал служебный. Голубятни к вечеру не будет.

— Всё стоит на ровеньском берегу.

— Остров не берег.

— Подход к нему наш.

— По твоей логике сапог принадлежит дороге, с которой на него шагнули.

Керн кивнул на мост.

— Ставь уже применяет ту же логику к целому городу. Почему ты споришь со мной первым?

— Потому что твоя доска ближе.

— Значит, если я отложу сбор, ты признаешь наше право после перехода?

— Нет.

— Тогда зачем мне уступать?

— Чтобы семьдесят три человека, оставшиеся в Ровени, не увидели в первый день, как княжество делит их пустые печи.

Керн посмотрел на лагерь остающихся. Люди ночевали в трёх домах, хозяева которых разрешили подселиться. У многих имущество ушло с рамами родных, и теперь рядом лежали только узлы с одеждой и инструментами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.